

заками. Обо всем исполнении Замощиков должен был рапортовать Соймонову и ехать в команду бригадира В. Якоби.

Интересны некоторые пункты инструкции Соймонова, который приказывал Замощикову следить за кострами в ночное время, чтобы не допустить лесных или степных пожаров, а в местах охотничьего промысла коренных народов Сибири *«огней под смертной карой не класть»*.

Кроме того, Соймонов тщательным образом инструктировал Замощикова относительно материалов для строительства платшойта и ушкола. Указал заготовить тридцать пятиясенных досок толщиной в три вершка и сто пяти и четырехсаженных толщиной в полтора вершка. Прислал образцы и количество для изготовления гвоздей и какими гвоздями нужно прибивать конкретные доски на обшивке, днище и т.п.

Подобную подробную инструкцию Соймонов послал геодезисту Якову Федорову, отметив, что за отправку Федорова с казаками Тарасовым и Аршинским несет ответственность капитан П. Бегунов *«Или кто при секретной экспедиции команду имеет»*. Такая приписка появилась из-за частой смены руководства экспедицией после того, как Соймонов стал сибирским губернатором. Некоторое время Нерчинскую экспедицию возглавлял его сын Михаил, товарищ губернатора И.Г. Грабленов, прапорщик Солнцев, капитан П. Бегунов [Голденберг 1979: 129; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. Л. 630].

Федоров должен ехать *«со всяким поспешанием»* до Читинского острога, там взять посланного из Иркутска школьника и прибыть в село Доронинское до вскрытия рек. Затем следовать по дороге до р. Хилок и по пути описать ее с указанием географических координат. На плоту спуститься к устью р. Хилок в дер. Харитонову, где Федоров должен был дожидаться, пока Замощиков достроит суда. После полной загрузки судов плыть на них вверх по Хилку до зимовья, расположенного на р. Гарихе.

В этом походе Федоров должен был еще раз перепроверить измерения Татаринова (которым Ф. Соймонов не доверял): глубину реки и качество грунта на дне, местоположение мелей, возможности идти по берегам реки бечевой и т.п. Попробовать разбивать камни для увеличения глубины реки. Если платшойт действительно сядет на мель, то тогда нужно перегрузить часть провианта на ушкол, снять баржу с мели и, снова нагрузив, идти дальше. Прибыв к зимовью, сложить груз в сарай и поставить караул из двух человек.

Впоследствии местные власти должны были перевезти этот груз в с. Доронинское. Обо всех действиях в пути Федоров должен был составить подробнейший отчет и прислать его Ф. Соймонову, копию — в Иркутск. После этого Федоров вместе со школьником и адмиралтейскими служителями, должен был на плоту вернуться в Нерчинск.

В том же феврале 1758 г. Ф. Соймонов инструктировал и капитана П. Бегунова, который должен был отправить на Хилок для строения судов плотников Ф. Соколова, М. Степанова, конопатчика А. Булатова, парусника М. Сермаксу с инструментами. Дать им материал на парус, веревки, чертежи судов, которые было *«велено сочинить ластовых судов подмастерью Попову»*, и отправить на подводах, взятых у Нерчинской канцелярии. Мастеровые должны были ехать быстро, чтобы в конце марта или в начале апреля быть в Удинске.

Ластовых судов подмастерье Алексей Попов должен был сделать чертеж платшойта грузоподъемностью 1000 пудов и ушкола — 200 пудов, увеличить длину платшойта на 10–12 футов, в ширину на три фута.

По инструкции Ф. Соймонова от апреля 1758 г., при строительстве судов борта нужно было обшить самыми тонкими досками и сделать шпигаты¹. Обязательно положить на платшойт бархоуты². Сделать мачту с парусом шириной в два корпуса судна, а на корме соорудить каюты.

Квартирмейстер Василий Овечкин должен был (по наставлению Ф. Соймонова) прибыть на р. Хилок и поступить сначала в команду Алексея Замощикова для строительства судов, а затем в команду геодезиста Федорова и участвовать в походе по реке до зимовья на р. Гарихе. Купоров, плотников, парусника и конопатчика надлежало отправить в Нерчинск на плоту.

В письме к корабельному секретарю И.Б. Синдту Ф. Соймонов дал распоряжение по использованию находящихся в Томске морских и адмиралтейских служителей, *«которые ни к какому делу не определены, и жалованье Е.И.В. получают втуне»*.

¹ Шпигат — отверстие в борту судна для стока воды // Военно-морской словарь. 1989. С. 478.

² Бархоут (нидер. berghout, от bergen — охранять, hout — дерево) — ряд досок наружной обшивки в районе ватерлинии // Военно-морской словарь. 1989. С. 40.

И. Синдт должен был отправить квартирмейстера Василия Овечкина и трех купоров к строительству судов на р. Хилок, квартирмейстера Саву Сергеева и солдат Петра Казанцева и Игната Иволина отправить в Тобольск на подводе от Томской канцелярии, трубача Березина также отправить в Тобольск, но с оказией на дощанике. Сам Синдт, пищик Самойлов и солдат Хорошев должны были ждать дальнейших распоряжений в Томске.

Таким образом, в соответствии с точными и очень подробными инструкциями Ф. Соймонова планировалось, что два судна весной 1758 г. отправятся в свое первое плавание по р. Хилок, выполняя тем самым, хотя бы частично, одну из задач Нерчинской экспедиции. Однако возникли различные обстоятельства, приведшие к задержке исполнения этих распоряжений сибирского губернатора.

Так, из рапорта поручика А. Замощикова Ф. Соймонову от марта 1758 г. следует, что 5 февраля он отправился из Тобольска на р. Хилок для построения двух судов. В Томск Замощиков добрался только 16 февраля из-за нехватки свежих лошадей на почтовых станциях. По инструкции Ф. Соймонова, Замощиков потребовал от корабельного секретаря И. Синдта отправить морских служителей, квартирмейстера и трех купоров в Иркутск, другого квартирмейстера и двух солдат в Тобольск. Однако Синдт из-за бюрократической переписки это сделал с опозданием.

Следующим рапортом от 15 марта Замощиков известил Соймонова о своей задержке в Иркутске из-за бездействия вице-губернатора И. Вульфа. Квартирмейстер Василий Овечкин и три купора также еще в Иркутск не прибыли.

В майском рапорте Замощиков описал свои беды по поиску корма для лошадей, которые измождены долгой дорогой и без перемены могут пройти только 100–150 верст в день.

Иркутский вице-губернатор в донесении Соймонову в апреле 1758 г. кратко осветил свои действия по исполнению инструкции губернатора. Для постройки двух судов, по распоряжению Вульфа, было выдано А. Замощикову 100 руб. из Иркутской рентерии и шнуровая книга для записи расхода этих денег («дана за скрепой книга»). Кроме того, выдано 15 пудов полосного железа, 600 аршин холста на паруса, нитки, пакля для конопачения судов, смоловарный котел. Все эти припасы выданы «с распиской на счет секретной экспедиции». Пенька для оснастки судов послана подмастерью Первухину. И. Вульф уверял Ф. Соймонова, что он понимает нужность строи-

тельства этих судов, с учетом времени таяния снегов в горах и возможных дождей, *«ибо от этого река будет или глубока, или мелка»*.

Замошиков посылается на р. Хилок, чтобы не было остановки в строительстве судов, *«ибо за нерадивость будут взыскания немалые»*. Однако 14 апреля поручик Замошиков в Иркутской канцелярии в присутствии губернского товарища подполковника Ивана Слободского заявил, что по причине болезни *«за Байкал море он Замошиков ехать не может»*. Городской врач Ваксман осмотрел Замошикова, подтвердил наличие серьезного заболевания уха и рекомендовал вылечиться перед поездкой.

Выданные для строительства судов припасы (железо, пакля, холст на паруса и т.п.) были оставлены в амбаре Иркутской канцелярии на сохранение *«до первого будущего водяного пути»*. Иркутская канцелярия принимала меры, чтобы канатного дела подмастерье Первухин вместе с четырьмя прядильщиками изготовил из выданных пяти пудов пеньки 120 саженой снасти толщиной в 3 дюйма на оснастку двух судов, строившихся на р. Хилок.

В мае 1758 г. Ф. Соймонову был подан рапорт Иркутской канцелярии, в котором кратко указывались известные мероприятия и выражалась убежденность в готовности этой канцелярии исполнять все указания губернатора по строительству судов на р. Хилок под руководством поручика Алексея Замошикова, которому выдано 100 руб. за счет Нерчинской секретной экспедиции [РГАДА. Сибирский приказ. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 51–60].

Кроме того, в рапорте имелась попытка объяснить разницу результатов осмотров и измерений р. Хилок и дороги от Нерчинска до устья этой реки, сделанных Тарасовым с Федоровым и Татариновым. Первые два в своих отчетах писали, что практически вся дорога в хорошем состоянии, а по Хилку могут проходить небольшие суда. Татаринов же уверял, что дорога очень плохая, много заболоченных мест, а Хилок мелководен. В Иркутской канцелярии были убеждены, что данная разница возникла из-за погодных условий: во время измерений Татаринова была большая засуха. Что же касается различий в информации о наличии болот, то, видимо, они ездили разными дорогами.

Ф. Соймонов в письме к И. Вульффу в конце мая 1758 г. пытался еще раз убедить его в важности открытия водного транспортного пути по р. Хилок [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 61–63]. Ответственным за строение двух судов был назначен поручик А. Замоши-

ков, а от И. Вульфа Соймонов требовал организовать сбор и доставку на устье р. Хилок провианта или других грузов общим весом до 1000 пудов, которые необходимо было отправить из Иркутска в Нерчинск. В качестве варианта Соймонов предложил Вульфу переправить на построенных судах по Хилку амуницию и другие грузы для расквартированной в Нерчинске седьмой роты Якутского полка, которой эта амуниция отправлялась ежегодно. Кроме того, на платшойте можно перевозить хлеб не только для регулярных и нерегулярных казаков, но и для продажи народу или для стратегического запаса:

«К тому же для неизвестной вашему превосходительству по секретно порученной мне экспедиции предприятия необходимо в Нерчинске провианта с удовольствием иметь надлежит».

Для повышения обороноспособности края Соймонов настойчиво предлагал отправить на судах даже роту Якутского полка на китайскую границу. В конце письма Соймонов еще раз подчеркивает важность этих мероприятий: *«Мне поручена Сенатом секретная экспедиция»*. Письмо с подобным содержанием Соймонов в тот же день послал и бригадиру В. Якоби.

В апреле 1758 г. Ф. Соймонов получил рапорт от ластовых судов подмастерья Алексея Попова, который должен был, в соответствии с указанием Соймонова, изготовить чертеж судов [Там же. Л. 77–77 об.]. Длина стандартного платшойта 10 или 12 футов, ширина — 3 фута. Чтобы повысить грузоподъемность этого судна до 1000 пудов, Соймонов рекомендовал увеличить его длину до 35 футов, а ширину — до трех с половиной. Но у Попова появилась идея к исправлению этого проекта. По словам квартирмейстера Козьмы Сутормина, на таком платшойте можно перевезти лишь 270 пудов. Поэтому Попов предложил увеличить длину платшойта до 60 футов, а со штевнями¹ до 66 футов, ширину по бортам — до 18 футов, высоту по центру судна — до 3–5 футов. Больше увеличивать размеры нельзя, так как корпус судна будет слишком велик и не пройдет по реке. Образцы гвоздей Попов отдал плотникам Фоке Соколову и Максиму Степанову.

¹ Штевень — прочный деревянный брус на носу (форштевень) и корме судна (ахтерштевень) // Военно-морской словарь. 1989. С. 32–33.

Капитан П. Бегунов, ответственный за Нерчинскую секретную экспедицию, в апреле и мае 1758 г. присылал Ф. Соймонову рапорты с перечислением выполнения указаний губернатора, связанных со строительством судов на р. Хилок [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 72–73 об., 75–75 об.]. В них говорилось об отправке в команду А. Замощикова для строительства судов плотников Ф. Соколова, М. Степанова, конопатчика А. Булатова, парусника М. Сермаксу с инструментами, с чертежами платшойта и ушкола, которые изготовил ластовых судов подмастерье А. Попов. Кроме того, Бегунов прислал реестр, в котором подробно перечислил материалы, отпущенные с плотником Степановым [Там же. Л. 74–74 об.].

Таблица 6

Для строительства платшойта		
1	Бечева смоляная	толщ. 2,5 дюйма, дл. 120 саж.
2	Бечева смоляная	толщ. 2 дюйма, дл. 120 саж.
3	Трос на ванты и фалы ¹	толщ. 2 1/2 дюйма, дл. 60 саж.
4	Линь ² в 9 нитей на брасы ³	дл. 26 саж.
5	Линь в 12 нитей на шкоты ⁴	дл. 15 саж.
6	Трос на бурундук ⁵	толщ. 3 дюйма., дл. 10 саж.

¹ Ванты — стоячий такелаж, раскрепляющий к бортам мачты и стеньги. Такелаж — вся совокупность судовых снастей: стальные, синтетические и растительные тросы, цепи и т.п. Фал — снасть бегучего такелажа, служащая для подъема парусов, флагов, сигнальных фигур и т.п. // Военно-морской словарь. 1989. С. 66.

² Линь — тонкий растительный или синтетический трос, применяется для такелажных работ // Военно-морской словарь. 1989. С. 226.

³ Брасы — бегучий такелаж, укрепленный на ноках реев и служащий для их поворота в горизонтальной плоскости // Военно-морской словарь. 1989. С. 59.

⁴ Шкот — снасть, предназначенная для растягивания нижних (шкотовых) углов парусов. Каждый шкот получает дополнительное наименование по названию паруса, например: фока-шкоты, грота-шкоты (проходят назад и растягивают парус к подветренному борту) // Военно-морской словарь. 1989. С. 476–477.

⁵ Бурундук — бегучий такелаж, идущий от нока выстрела на корму и удерживающий выстрел от запрокидывания к носу. Выстрел — горизонтально расположенное рангоутное дерево, подвешенное над водой перпендикулярно борту судна для крепления шлюпки // Военно-морской словарь. 1989. С. 64.

Таблица 7

Для строительства ушкала		
1	<i>Бечева</i>	<i>толщ. 2 дюйма., дл. 120 саж.</i>
2	<i>Бечева</i>	<i>толщ. 1,5 дюйма, дл. 120 саж.</i>
3	<i>Линь на брасы в 9 нитей</i>	<i>дл. 20 саж.</i>
4	<i>Линь на шкоты в 12 нитей</i>	<i>дл. 10 саж.</i>
5	<i>Трос на бурундук</i>	<i>толщ. 2,5 дюйма</i>
6	<i>Линь в 12 нитей к обоим судам на паруса</i>	<i>70 саж.</i>
	<i>Вся бечева и веревки</i>	<i>вес 13 пуд. 86 фунтов</i>

Плотничий инструмент: два топора, две шлихты¹, три долота, буравы, нитки. Конопатный инструмент: три конопатки, три мушкеля², нитки швальные сорок мотков.

Ф. Соймонов в апреле 1758 г. получил еще один рапорт от капитана П. Бегунова, «находящегося в Нерчинске при секретной экспедиции», с освещением некоторых новых подробностей о строении на Хилке платшойта и ушкала [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 173–174]. Бегунов писал, что в соответствии с ордером Ф. Соймонова он послал на строительство судов плотников Фоку Соколова, Максима Степанова и прочих. Вместе с плотниками Бегунов послал инструменты и другие припасы: два топора, две шлихты, нитки, линь и т.п. Везли их в двух лодках через р. Селенгу, а потом по Хилку. Одну лодку по небрежности и неосторожности плотников опрокинуло волной, в результате чего половина погруженных в нее инструментов утонула. Отыскать их в реке не смогли и сообщили о случившемся поручику А. Замощикову. Ему же передали и остальные привезенные припасы.

«А по справке при секретной экспедиции оказалось от тех утопленных инструментов и припасов от поручика Замощикова никакого известия здесь в получении не имеется».

Поэтому Бегунов спрашивает Ф. Соймонова — проводить ли ему взыскание по случаю потери утопленных железных инструментов «или оставить <...> ждать вашей резолюции».

¹ Шлихта — инструмент для выборки паза в изделии.

² Мушкель — такелажный инструмент, деревянный молоток с короткой ручкой // Военно-морской словарь. 1989. С. 263.

Поручик А. Замощиков в майском 1758 г. рапорте Ф. Соймонову снова подчеркнул бюрократизм и волокиту в делах Иркутской канцелярии, которая все еще не выдала провиант прибывшим в апреле из Томска квартирмейстеру с купорами [Там же. Л. 63 об. — 64]. Кроме того, Замощиков выяснил, что нагружать проектируемые суда нечем, ибо менять верхний мундир для военнослужащих седьмой роты Якутского полка еще не вышел срок, а вместо зимних мундиров им выдают деньги. В этом же рапорте Замощиков сообщил о том, что он серьезно болен, но по выздоровлению сразу же отправится в путь на Хилок *«за Байкал море и приступит к своим обязанностям — к строению судов»*. В период лечения поручик Замощиков также не терял времени даром и занимался в Иркутске ковкой гвоздей для будущего строения судов:

«Здесь гвозди делать выгоднее, так как кузнецы из казаков, а уголь — казенный».

В ответ на этот рапорт Соймонов в письме пожелал Замощикову скорейшего выздоровления и выразил надежду, что поручик уже приступил к строительству судов. К тому времени Соймонов не имел о строительстве никаких известий и с нетерпением ждал рапортов.

Но такие рапорты А. Замощиков смог послать только в июне и июле 1758 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 64–65 об., 84–84 об.] В них он сообщил о том, что в июне смог выехать на устье р. Хилок в дер. Харитонову вместе с морскими служителями и материалами. Усилиями адмиралтейского плотника Степанова и казаков, посланных бригадиром В. Якоби, для строительства судов заготовлено сто досок и семьдесят кокор¹. Для ускорения дела Замощиков потребовал для вырубki леса еще десять казаков. Помня о желании Соймонова как можно скорее открыть навигацию по Хилку, Замощиков справился у бригадира В. Якоби об амуниции для ее перевоза в Нерчинск для седьмой роты Якутского пехотного полка. На что В. Якоби ответил, что амуниции пока не имеется. Главное сообщение Замощикова касалось даты начала строительства судов:

¹ Кокор — нижняя часть ствола хвойного дерева с оставленным на стволе перпендикулярным крупным корнем. Использовался для постройки деревянных судов.

«24 числа июня заложили плашкоут и ушкол, уповаю в непродолжительном времени окончаны будут».

Однако в рапорте геодезиста Я. Федорова Ф. Соймонову от 10 июня 1758 г. выявляются новые подробности [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 80–81]. Вначале Федоров пишет о том, что он вместе с Тарасовым и Аршинским выехал из Нерчинска 2 мая к Читинскому острогу, где взял ученика, и доехал до села Доронинского, дорогу описал и измерил. Затем на плоту по р. Хилок они к 5 июня спустились до дер. Харитоновой, надеясь получить у поручика А. Замощикова построенные суда. На деле же оказалось, что *«по оным судам не токмо отделки, но и зачину еще не имеется»*. Двенадцать плотников из Селенгинска, а *«также и из Нерчинской команды секретной экспедиции два плотника»* вырубили только несколько пластин, а досок еще не тесали. Кузнецы, по мнению Я. Федорова, вообще живут праздно, так как поручик А. Замощиков из-за болезни остался в Иркутске. Поэтому лес для судов заготавливается медленно. Федоров подсчитал, что такими темпами суда могут быть построены лишь в конце сентября или начале октября, когда на реке уже встанет лед. Федоров спрашивает указания Ф. Соймонова, куда сложить груз с этих судов. Об этом Федоров уже рапортовал иркутскому вице-губернатору И.И. Вульффу.

Получив этот рапорт Я. Федорова, Ф. Соймонов пытался узнать у И. Вульфа причину такого медленного строительства и приказал сложить груз на берегу, а геодезиста Я. Федорова отправить к команде немедленно [Там же. Л. 81 об. — 82].

В июльском рапорте Замощиков докладывал Соймонову о том, что строители приступили к конопачению судов. Работа производилась казаками, присланными бригадиром В. Якоби без плакатной платы. А плакатной платой оплачивалась вырубка и перевозка леса, кокор,ковка в кузнице железных деталей для судов и изготовление угля. Замощиков не имел указаний насчет нагрузки судов, а также о том, спускать их на воду или оставить на берегу.

Иркутская канцелярия прислала в августе 1758 г. Ф. Соймонову сообщение, в котором, как всегда, вместо четких ответов шел подробный повтор указаний Соймонова о необходимости перевозки на судах по Хилку в Нерчинск хлеба, провианта, военной амуниции или одной из двух рот Якутского полка [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 66 — 68 об.]. Подтверждалось указание о том, чтобы все

расходы производить «на счет секретно порученной вашему превосходительству по указу Высочайшему Сената экспедиции». Поручик А. Замощиков 25 июля построил суда, начал их конопатить и ждет резолюции о дальнейших действиях. Геодезист Яков Федоров, в соответствии с инструкцией Соймонова, приехал из Нерчинска в июне на Хилок, но и поныне ожидает окончательной отделки платшойта и ушкола.

Бригадир В. Якоби в соответствии с указом Военной коллегии должен отправить две роты из Тобольска маршем на китайскую границу. Первая рота уже прибыла в Нерчинск 4 июня. Вторая рота под командованием капитана Широкова отправилась из Иркутска в Селенгинск 4 августа. Можно было отправить ее полностью на судах вверх по Хилку или часть людей и некоторые грузы: один патронный ящик, четыре обер-офицерских коляски, пятнадцать унтер-офицерских, капральских и солдатских телег. Недостающий объем груза можно было дополнить провиантом из Итанцинского магазина. Амуниции к отправлению по-прежнему не имелось. Однако в том году суда уже не успевали до ледостава дойти до намеченного зимовья у р. Гарихи. В. Якоби высказал опасение, что для роты, которой придется зимовать на голом месте, может не хватить провианта [Там же. Л. 85 — 90 об.].

Следующий рапорт И. Вульфа Соймонову в основном повторяет уже известное о строительстве судов, расходах за счет Нерчинской секретной экспедиции [Там же. Л. 69 — 71 об.]. Сделанная канатного дела подмастерьем Первухиным снасть для судов отдана 3 июня квартирмейстеру В. Овечкину, который повез ее на пяти подводах до устья р. Хилок.

А. Замощиков послал осенью 1758 г. Ф. Соймонову рапорт, в котором осветил обстановку по строительству судов на р. Хилок [Там же. Л. 82 об. — 83 об.]. Он еще раз подтвердил, что суда заложены 24 июня и вчерне закончены 25 июля. В качестве строительных материалов использованы заготовленные плотниками и казаками В. Якоби сто досок и семьдесят кокор. 17 сентября Замощиков получил из Иркутской канцелярии указ Е.И.В. отправить на этих судах провиант или часть второй роты капитана Широкова. Но суда на воду не спущены, так как нет безопасного места, чтобы платшойт и ушкол не повредились без крыши.

Послал Замощиков Соймонову и финансовый отчет, в котором отметил, что из полученных им 100 руб. он потратил 12 руб.

на заготовку угля, железных деталей, рулевых крючьев, петель и вывозку леса, 2 руб. выдал на прогонные купору Подсевальщикову, отправленному в Селенгинск. Оставшиеся деньги Замошиков с распиской сдал геодезисту Федорову, а материалы — квартирмейстеру В. Овечкину. Все 15 пудов железа использованы на строительство без остатка.

Геодезист Я. Федоров в рапорте Ф. Соймонову сообщил в сентябре 1758 г., что поручик А. Замошиков платшойт и ушкол построил 22 августа:

«Суда на Хилке <...> сделаны, обделаны и законопачены, <...> и стоят ныне на берегу покрыты» [Там же. Л. 91-92].

Но отправить эти суда по реке можно было только весной. По полученной от Ф. Соймонова еще в 1755 г. инструкции Федоров планировал окончить в Нерчинском уезде измерение земель и подготовку планов:

«А ныне я на устье р. Хилка у упомянутых судов живу праздно в деревне Харитоновой».

Ф. Соймонов приказал И. Вульфю в октябре и ноябре 1758 г. подготовить провиант и отправить его весной 1759 г. по р. Хилку на построенных поручиком А. Замошиковым судах [Там же. Л. 92 об. — 94.]. Бригадир В. Якоби должен был привезти этот провиант к судам в мешках. Геодезиста же Федорова до этого времени надлежало использовать для измерения земель. Подобные указания об отправке судов по Хилку Ф. Соймонов прислал бригадиру В. Якоби и в марте 1759 г.

Весной 1759 г. бригадир В. Якоби известил Ф. Соймонова об отправке судов вверх по р. Хилку [Там же. Л. 94 об. — 109 об.]. 10 мая караван судов (платшойт, ушкол, шитик и облас¹) отправился с ротой капитана Широкова в верховья Хилка. Уровень воды в реке

¹ Шитик — небольшая плоскодонная парусная лодка с палубой. Части корпуса шитика сшивали, скрепляли кожаными ремнями или гибкими побегами кустарников и деревьев. Облас — весельная лодка, выдолбленная из ствола дерева (чаще всего тополя), длинная, узкая, с одинаковыми по форме носом и кормой // Военно-морской словарь. 1989. С. 475.

был невысокий, из-за чего однажды встали на мель. Геодезист Федоров сделает описание берегов и фарватера и возвратится в Нерчинск. Рота получила провиант на май и июнь. Она дойдет до зимовья на р. Гарихе, сгрузит там перевозимый груз в амбар и по дороге проследует до реки Ингоды, по которой на плотках спустится в Нерчинск. Деньги работным людям за строительство плотов будут выплачены за счет секретной экспедиции. В. Якоби помнит о наставлении Ф. Соймонова об особом отношении к «*кочующим иноверцам*», у которых ничего нельзя брать без оплаты: «*ничего от них ни на одну копейку безденежно не брать*». В качестве переводчика используется местный казак Иван Бузин.

В рапортах Я. Федорова Ф. Соймонову от 30 мая, 17 августа, 22 сентября 1759 г. была указана другая дата выхода каравана — 11 мая [Там же. Л. 110 — 112 об., 126 — 128 об.]. Далее Федоров сообщил, что в том году он занимался подготовкой планов по результатам исследования Нерчинского уезда. Эти планы он послал Соймонову («*Нерчинского уезда меры земель семнадцать планов, в т.ч. один генеральный*») и в соответствии с инструкцией губернатора № 71 от 3 февраля 1758 г. отправился на реку Хилок. В апреле 1759 г. он прибыл к месту строительства и обнаружил, что суда стоят на берегу не конопаченые, а река покрыта льдом. Федоров обратился за помощью к бригадиру В. Якоби. Но вместо испрашиваемых 30 чел. прислали только двенадцать. Суда были проконопачены и лишь 7 мая спущены на воду. 9 мая в дер. Харитонову прибыла рота солдат под командованием капитана Широкова. Зв два дня рота погрузилась на суда, кроме того, нагрузила на платшойт 1000 пудов груза, 18 адмиралтейских служителей, казаков, сержанта с караульными солдатами, провиант и другие припасы (150 пудов), на облас — скарб, на ушкол — около 80 пудов (патронный ящик и ротную палубу (?), офицерскую коляску).

Одиннадцатого мая вышли в поход на бечеве вверх по Хилку. После ледохода вода была большая, но потом спала, поэтому, пройдя около 20 верст, встали на мель, не дойдя одной версты до Паркиной деревни. Глубина была не более двух футов. Дальше идти вверх стало невозможно, так как Хилок разбился на несколько мелких протоков длиной около 12 верст. Снимались с этой мели восемь дней и 16 августа дошли до зимовья на р. Гарихе. Дошли благополучно и довели до амбара 657,5 пудов, остальное пошло на питание роты солдат на два месяца. Разгруженные суда 17 августа отправили

обратно в дер. Харитонову с квартирмейстером В. Овечкиным, с 17 разночинцами от Селенгинской воеводской канцелярии и семью казаками.

Федоров выделил В. Овечкину 20 руб., послал Ф. Соймонову рапорт и опись всего пути судов вверх по р. Хилок, а сам с адмиралтейскими служителями того же числа отправился в село Доронинское через Яблоновый хребет, а оттуда на сделанных плотях в Нерчинск.

Геодезист Я. Федоров прислал в декабре 1759 г. в Иркутскую канцелярию описание р. Хилок во время пробного прохода по нему караваном судов весной и летом 1759 г. [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 525–528 об.]. В отчете очень подробно описан весь ход труднейшего подъема судов в верховья Хилка. Суда тянули бечевами: платшойт и облас — по 17 человек, ушкол — 8. В зависимости от глубины воды в реке это число могло увеличиваться: если судно садилось на мель, то тогда его стаскивали большим числом «бурлаков». С 14 по 22 мая караван стоял на одном месте: ждали подъема уровня воды, так как мель растянулась на 10 верст. Постепенно вода поднялась из-за прошедших в горах дождей. 26 мая стояли в дер. Сибилдуйской и пекли хлеб.

В среднем за день удавалось пройти около 10 км, так как на р. Хилок много мелей, шевер (порогов) и каменистых перекатов. При перетаскивании судов через них часто рвалась бечева, ее приходилось ремонтировать. 14–16 июня стояли на одном месте: пекли хлеб и сушили сухари. 29 июня солдатам дан был день отдыха, так как они валились с ног от усталости. 3 июля суда не могли пройти из-за подводных коряг. 4 июля с трудом прошли узкий каменистый перекат: камни обдирали борта судов. С 5 июля по 1 августа был длительный простой в походе, так как не могли провести через мели даже порожние суда. С них сняли груз, на ушколе перевозили его частями в дер. Бада, где складывали в построенный амбар. Затем ждали указаний В. Якоби. Наконец, к 1 августа вода прибыла из-за дождей и караван смог продолжить путь.

Таким образом, лишь 16 августа суда пришли к указанному зимовью, преодолев от устья Хилка 415 верст. Провианта из начальной тысячи пудов привезли «за раздачу солдатам в месячную дачу» 650 пудов 7 фунтов. Впоследствии иркутский вице-губернатор И. Вульф, на основе этого рапорта Я. Федорова, а также результатов исследований штурмана Татаринава делает категорич-

ный и не соответствующий действительности вывод о несудоходности р. Хилок.

Капитан П. Бегунов и бригадир В. Якоби продублировали вышеуказанные сведения геодезиста Я. Федорова Ф. Соймонову октябрьскими и ноябрьскими рапортами 1759 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 113 — 113 об., 124 — 125 об.]

Квартирмейстер В. Овечкин, ответственный за сплав судов обратнo к устью Хилка, известил Ф. Соймонова о еще одном эпизоде похода [Там же. Л. 129—131.]. На обратном пути облас застрял на мели под сопкой Хобонтой. Его установили на балки и оставили (из-за мелкой воды в реке) на смотрение Баиру Бадагееву Шалбинского рода. Платшойт и ушкол Овечкин благополучно привел 25 сентября на устье Хилка и поставил в удобное место у дер. Харитоновой.

Важные замечания Овечкина: по Хилку можно ходить только на ушколе, так как на реке много перекатов и мелей. Груз на ушкол можно нагружать максимум 250 пудов, иначе судно будет иметь большую осадку. От шитья парусов остался холст, хотя на парусах по таким рекам, как Хилок, не ходят, и в то лето паруса не поднимали, а вели суда исключительно бечевами. Поэтому эти снасти на судах все изорваны.

Между тем опытный мореплаватель Ф. Соймонов скучал именно по морским судам и походам. В 1760-х годах он как сибирский губернатор и ответственный за секретную и о заграничных обращениях комиссию много усилий потратил на создание в Сибири парусных фабрик [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 75. Л. 439, 440—440 об.].

В обширной ноябрьской переписке 1760 г. с Сенатом, с Ф. Соймоновым и другими учреждениями и адресатами И. Вульф вновь поднял вопрос о несудоходности р. Хилок [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 520—523]. Неисполнение отдельных указаний сибирского губернатора И. Вульф оправдывал, в частности, своим арестом, который произвел печально известный своими преступлениями в Иркутске коллежский асессор П.Н. Крылов, присланный для проведения следствия по купеческим делам. Ссылаясь на незаконные действия Крылова, Вульф писал:

«Отчего я в заготовлении лесу к строению на устье Хилка реки судов ради перевозки на серебряные Нерчинские заводы поселщиков и провианта остановку учинил».

По убеждению Вульфа, проход судов по р. Хилок невозможен из-за его мелкости. И Вульф старался подтвердить свою точку зрения с привлечением документов, поступивших в Иркутскую канцелярию: журнала штурмана Татаринова от ноября 1757 г. и рапорта геодезиста Федорова от декабря 1759 г. [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 524, 525– 528 об.]. Вульф писал, что штурман Татаринов показал, что Хилок

«во многих местах весьма узок и течет ручьем, а от верхнего зимовья до самого устья течение имеет весьма тихое, по наносам в большую воду деревья и прочего, <...>, а когда вода умножится, то <...> тогда низкие места бывают потоплены и разливается до утесу, и где зачем бечевою идти невозможно».

Прапорщик геодезии Федоров в 1759 г. на построенных трех судах, *«называемых платшойт, ушкол да облаз»*, прошел бечевою 415 верст, где *«по многим местам были такие мели, чрез которые едва на двух бечевах и одном тресе всеми людьми (по выгрузке из них несколько провианта) усиленно перетягивали».*

Ссылаясь Вульф и на отчеты геодезиста В. Воинова, который был на р. Хилок в 1760 г. и затем в экстракте также показал множество мелей. Лес для строения судов Вульф заготовлять не отказывался, пеньки в Иркутске нет, железо он отправил *«в бытность в Иркутской канцелярии ассессора Крылова, присланного августа 3 дня, <...> от него ассессора отправлено казенного железа 200 пудов».* По мнению Вульфа, гвозди были не изготовлены в срок по вине В. Якоби, которые не прислал для них образцы.

Однако, несмотря на нежелание И. Вульфа признавать Хилок судоходным, усилиями Нерчинской экспедиции был найден и опробован надежный водный маршрут в Забайкалье.

Кроме того, Нерчинская экспедиция послужила мощным толчком для развития судоходства на оз. Байкал. Член Нерчинской экспедиции штурман М.И. Татаринов впоследствии возглавил Байкальскую военную флотилию и Иркутское адмиралтейство [Колотило 2004: 43].

Большую роль в безопасности плавания через оз. Байкал сыграл маяк, задуманный к строительству все тем же дальновидным и опытным руководителем экспедиции Ф. Соймоновым. Идея построить маяк на Байкале возникла у него еще в 1754 г., после его

назначения руководителем Нерчинской экспедиции, во время проезда через опасные байкальские воды.

Ф. Соймонов прислал в апреле 1760 г. подробный рапорт в Сенат, где осветил проблему, связанную с одной из главных задач Нерчинской секретной экспедиции: поиск выгодного пути для доставки грузов в Охотский и Камчатский порты, в Анадырский острог [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 21–30]. Уменьшить эти убытки казне и должна была Нерчинская экспедиция. Однако эта ее деятельность была временно приостановлена из-за отказа китайских властей разрешить проход по Амуру русским судам:

«Известное предприятие секретной Нерчинской экспедиции <...> пользою быть могло, но по известным <...> обстоятельствам во времени то исправление остановилось, и для того до будущего времени, в которое то нужнейшее намерение воспоследует, нужно было о той поставке провианта рассмотреть».

Далее Ф. Соймонов логично показал Сенату выгоду от добычи на островах Тихого океана пушнины. Например, промышленные люди только на одном судне добыли две тысячи каланов по цене 20 рублей за шкурку:

«Токмо в продаже по запрещению в Кяхте доньне не было».

Кроме того, очень важны научные и государственные результаты освоения дальневосточного региона:

«Немалая польза в изыскании не знаемых еще земель и островов и со временем и в приведение в подданство за весьма нужное признается».

Подробный рапорт о необходимости построения на о. Байкал маяка Ф. Соймонов прислал в Сибирский приказ в мае 1760 г. [Там же. Л. 223, 234–248]. В нем Соймонов обобщил свою переписку с Вульфом и Мятлевым по поводу строительства маяка. Когда Соймонов в 1754 г. ехал для руководства Нерчинской экспедицией, при переезде через Байкал он узнал о существовании большой проблемы для судоходства. На южном берегу Байкала, у Посольского монастыря, есть узкий и опасный пролив, названный местными

жителями «Прорва». Осенью устье Селенги замерзает и дощаники вынуждены входить через этот узкий пролив в надежную гавань. Однако берега там низкие и в ночное, зимнее или штормовое время вход в пролив практически не виден. Поэтому здесь часто разбиваются суда с людьми и грузами.

Забываясь о спасении мореходов и грузов, доставляемых в Забайкалье с большим трудом, Ф. Соймонов обратился с предложением о строительстве маяка к иркутскому вице-губернатору И. Вульффу и губернатору Сибири В.А. Мятлеву. Позже (в 1757 г.) Ф. Соймонов еще раз обратился с этой просьбой к И. Вульффу, так как за три года по строительству маяка ничего не было сделано.

Ф. Соймонов продолжал писать в различные инстанции с приложением расчетов. По его мнению, на строительство маяка необходимо было всего 300 руб., а затем на содержание, дрова и жир — 30 руб. в год. Более того, построенный маяк мог быстро окупить себя, так как с каждого судна, идущего из Иркутска через Байкал, можно брать налог в 3 руб.

Однако И. Вульф посчитал, что для защиты этого маяка от волн и льда в зимнее время необходим крепкий фундамент, себестоимость которого будет очень высокой. Ф. Соймонов разработал «необременительный» для казны проект маяка, для строительства которого нужно всего двести бревен. Сруб поставить в виде конуса 3-х или 4-х сажень в высоту. В основание сруба установить четыре столба, которые для прочности перевязать крест-накрест тонким тесом.

На самом верху сруба нужно сделать помост, на котором расположить очаг на площадке из утрамбованной земли. На этом очаге в ночное время следует разжигать костер, чтобы посылать световой сигнал судам (примерно на 10—15 верст). Дрова можно рубить в лесу за озером и через него переплавлять их на лодке к проливу «Прорва». На косе «Узкая Карга» Ф. Соймонов видел много плавника — наносного леса. Для обслуживания маяка в темное осеннее время (2—3 месяца), во время северных ветров, по расчетам Ф. Соймонова, достаточно нанять одного работника и одного казака.

Однако и в мае 1760 г. маяк не был построен. В июле 1760 г. по рапорту тайного советника и сибирского губернатора Ф. Соймонова, по представлению из Сибирского приказа, ген. майору и иркутскому вице-губернатору Вульффу было приказано заниматься строительством маяка на оз. Байкал. В сентябре 1760 г. Ф. Соймо-

нов прислал И. Вульффу распоряжение о необходимости постройки маяка и двух ботов [Там же. Л. 252 об. — 255].

В октябрьских и ноябрьских (1760 г.) рапортах в Сибирский приказ Ф. Соймонов сообщил о том, что он получил указ Е.И.В. от 29 сентября 1760 г. под № 941, разрешающий строительство маяка на оз. Байкал и двух морских судов для перевозки через озеро мягкой казенной рухляди (пушнины) [Там же. Л. 275—275 об., 276]. Ф. Соймонов приложил и размеры этих судов *«по пропорции маниром, как делаются торм шхонты¹ с дюком и люками»*, длиной не более 50 футов, шириной — 12. Так как ластовых судов подмастерье А. Попов занят постройкой судов на р. Хилок, Ф. Соймонов предложил для строительства байкальских судов корабельного подмастерья Острцова, *«которого из Еравинского острогу, велено <...> взять в Иркутск и определить к тому строению»*.

В отношении маяка на оз. Байкал, *«который по силе означенного Е.И.В. указа из Сибирского приказа построить повелено»*, Ф. Соймонов писал, что его строительство будет произведено быстро и недорого. Приказание об этом Ф. Соймонов послал И. Вульффу в апреле 1760 г.

Ф. Соймонов как руководитель учрежденной по указу из Высокотправительствующего Сената секретной и о заграничных обращениях комиссии, прислал в декабре 1760 г. рапорт в Сибирский приказ с подробностями о строении маяка на оз. Байкал [Там же. Л. 281—282]. В нем сообщалось, что Иркутская канцелярия, исполняя указ Е.И.В., высылает для строительства маяка корабельного подмастерье Козьму Острцова, с ним четырех казаков для строения морских судов, а также работников от Кабанской приказной избы для заготовления и вывозки леса для сооружения маяка. Маяк следует возводить по присланной от Ф. Соймонова модели.

Вместо земли для очага нужно взять кирпич в местном монастыре. Для поддержания на маяке в темные ночи огня определить двух Кабанских или Ильинских казаков, которые должны жить в зимовье, расположенном недалеко от маяка. Дрова для очага они могут брать из наносного леса на косе или заготавливать в ближайшем лесу и перевозить на подводе. Ответственным за бесперебойную работу маяка нужно назначить офицера таможенной заставы. Огонь на маяке следует зажигать с 10 октября до ледостава и окон-

¹ Шхоут, шхонт, шхойт — плоскодонное двухмачтовое грузовое судно.

чания навигации на Байкале, когда казаки смогут отправиться к своим командам до весны.

Обо всем этом были посланы указания и промемории в Кабанскую и Ильинскую приказные избы, Селенгинскую воеводскую канцелярию, Кяхтинскую пограничную таможенную. К. Острецов должен был осмотреть лодки, имеющиеся у содержателей перевоза разночинцев С. Рыкова с товарищами, и после завершения строительства маяка вернуться в Иркутск и рапортовать в Иркутскую канцелярию.

Весной 1762 г. губернатор Ф. Соймонов еще раз подробно написал в Сибирский приказ об истории постройки маяка на оз. Байкал [Там же. Л. 287–288]. Сообщил в очередной раз о длительной бюрократической переписке с И. Вульфом, которому было поручено это строение. Послал Ф. Соймонов и радостную долгожданную весть о завершении строительства маяка. Бывший корабельного флота подмастерье Козьма Острецов 21 января 1762 г. вернулся в Иркутск и сообщил, что в октябре 1761 г. он получил четырех казаков, конных работных людей от Кабанской приказной избы, с которыми и построил маяк на оз. Байкал при Посольском монастыре в Прорвинском заливе. Для разведения огня заготовлено достаточное количество дров и смолья. Однако наносного леса рядом не оказалось, как и леса вообще. Поэтому дрова возят из леса, расположенного в 13 км от маяка.

К рапорту Острецов приложил чертеж и реестр, в котором указал, сколько людей использовалось при строительстве маяка, материалы и т.п. [Там же. Л. 289]. Ф. Соймонов с этого чертежа сделал копию и прислал в Сибирский приказ.

Таблица 8

**«Реестр построенного маяку,
коликое число употреблено сосновых и лиственничных бревен»**

	Размер	Количество
<i>Лиственничных</i>	<i>Длиной шести сажень толщиной в отрубе 12 вершков</i>	<i>14</i>
<i>Сосновых</i>	<i>Длиной 5 сажень, толщиной в 7 вершков</i>	<i>23</i>
<i>Сосновых</i>	<i>Длиной 4 сажени, толщиной в 7 и 6 вершков</i>	<i>33</i>
ИТОГО		70
<i>Дров</i>	<i>смольных и самосушых однополенных</i>	<i>6 сажень</i>

Таблица 9

**«Количество при строении того
и при возке лесу и дров работных конных и пеших имелось»**

Сколько дней заработали	Количество людей с лошадьми и без лошадей находилось на заработных днях в даче быть должно			
	конные	пешие	рубли	копейки
<i>По 11</i>	2	—	1	32
<i>По 10</i>	3	—	1	80
<i>По 9</i>	3	2	1	62
<i>По 8</i>	1	3	—	72
<i>По 7</i>	—	2	—	48
<i>По 6</i>	1	—	—	96
<i>По 5</i>	—	2	—	56; 30
<i>По 3</i>	—	1	—	40
<i>По 2</i>	1	1	—	12; 12; 8
<i>ИТОГО</i>	11	11	8	52

Таблица 10

**Объяснение чертежа маяка: «Вид в профиль и внизу, вид сверху проекция»
[Там же. Л. 290]**

<i>«Маяк построенной при Провинском проливе отстоящий на южную сторону 65 сажений в 1761 году»</i>	
<i>В</i>	<i>план того маяка с принадлежностями (?)</i>
<i>С</i>	<i>лиственнные столбы, толщиной в отрубе 14 вершков, а в землю вкопаны на два аршина</i>
<i>С</i>	<i>стрелы ради удержания столбов от сильных бурных северных и прочих ветров</i>
<i>Н</i>	<i>подпоры ради утверждения верхнего ряда ...<...> фундамента</i>
<i>L</i>	<i>стенка, которая из кирпича надлежит вышиною футов ... на два аршина наподобие камина на содержании дров (?) ...<...> жестокими (?) бурями</i>
<i>М</i>	<i>перила ради опасности вход на маяк во время бури</i>
<i>Н</i>	<i>разрубленной(?) настил</i>
<i>D</i>	<i>лиственничные бревна, которыми испод маяка перевязан ... в 12 вершков</i>
<i>E</i>	<i>верхние лиственничные бревна, которыми верхние концы столбов удержаны</i>
<i>F</i>	<i>верхний взруб (?), на котором очаг ради огня учрежден»</i>

Семилетними заботами Ф. Соймонова как руководителя Нерчинской секретной экспедиции, тайного советника и сибирского губернатора маяк на оз. Байкал был построен. Кроме того, благодаря доношениям Ф. Соймонова в Сибирский приказ 2 июня 1763 г. появился указ Екатерины Второй № 11840 о строительстве маяка на Байкале [Там же. Л. 291 — 291 об.]. В нем было сказано о том, что ген. майору И. Вульффу велено заниматься строительством маяка на оз. Байкал в проливе «Прорва» для того, чтобы показывать безопасный путь для судов, следующих в темные осенние ночи из Иркутска в Кяхту и обратно. Строить маяк следует из неокладных доходов, и назначить ответственного офицера из заставы у Посольского монастыря. Для перевоза через Байкал различных грузов построить необходимое количество судов. Маяк и суда содержать за счет Кяхтинской таможни до нового указа. Перевозящие через Байкал товары купцы должны сами назначить размер налога в казну. За счет этого налога впоследствии отремонтировать маяк и суда, *«дабы казна ни малейшего в том убытка не терпела»*.

8 августа 1763 г. этот указ, продублированный в Сибирском приказе 18 июня за № 628, был получен Алексеем Колударовым, который находился при учрежденной в Тобольске по указу из Правительствующего Сената секретной и о заграничных обращениях комиссии [Там же. Л. 295].

Строительство судов на Байкале оказалось, хоть и опосредованно, связанным с Нерчинской секретной экспедицией [Там же. Л. 296 — 302 об.]. Осенью 1763 г. Иркутская канцелярия рапортовала в Сибирский приказ о получении еще в 1761 г. из Тобольской секретной и о заграничных обращениях комиссии указа о строительстве на Байкале маяка и указаний о строении судов для перевоза различных грузов через озеро. Суда должен был строить подмастерье К. Острецов. Однако он не нашел на Байкале подходящего места с хорошим строевым лесом. Такое место нашлось лишь на реке Ангара, *«где и впредь казенные дощаники строились»*. Старые боты на Байкале пришли в негодность, с них можно было взять только железные детали. К. Острецову требовались для изготовления парусов и такелажа опытный парусник и блоковых дел мастер, для изготовления инструментов кузнец, а также конопатчик для конопачения корпуса судов.

Иркутская канцелярия писала, что у нее парусины и фламского полотна¹ нет в наличии. Впервые за многие годы канцелярия проявляет беспокойство о возможной остановке работы Нерчинской экспедиции из-за нехватки мастеров:

«Когда оные сюда из Нерчинска взяты с выдачею им на проезд из казны прогонов, не воспоследует ли в оных от того взятия по секретной экспедиции какой остановки».

Об этой проблеме Иркутская канцелярия сообщила Ф. Соймонову, который в июне 1761 г. прислал ряд предложений для И. Вульфа. Ф. Соймонов рекомендовал для изготовления парусов взять холст и фламское полотно из запасов, приготовленных для строения судов на р. Хилок для перевозки переселенцев на Нерчинские заводы. Мастеров следовало взять из Нерчинска: одного кузнеца и одного конопатчика, а вместо парусника и блочника взять токаря Ушакова, знающего оба этих ремесла.

Корабельного дела подмастерье Козьма Острцов прислал в декабре 1763 г. рапорт в Иркутскую канцелярию о том, как он с казаками строил на озере Байкал два морских судна и соляной платшойт, сколько и каких материалов употребил (доски, бруски и т.п.), их размеры [Там же. Л. 303].

Таким образом, Нерчинской экспедицией были построены суда и на них осуществлен перевоз людей и грузов по р. Хилок, по идее Ф. Соймонова как руководителя экспедиции был построен маяк на оз. Байкал. Тем самым практически был проложен надежный водный маршрут от Иркутска до Нерчинска, что являлось одной из задач Нерчинской экспедиции.

Параллельно участники экспедиции занимались выполнением и других ее задач, в частности, исследованием возможности для развития земледелия в Нерчинском уезде, для переселения в Забайкалье крестьян, разночинцев, для занятия хлебопашеством, снабжения продовольствием Нерчинских заводов и острогов на востоке страны.

¹ Фламское полотно (от названия региона «Фламандия») — прочное льняное или пеньковое полотно для изготовления парусов.

1.3. Роль экспедиции в развитии земледелия и горной промышленности в Забайкалье

Известно, что русские первопроходцы несли в Сибирь и на Дальний Восток новый для коренного населения этих регионов хозяйственно-культурный тип — земледелие. С этим видом хозяйства связаны не только этнокультурные особенности, но и огромные экономические и производственные проблемы. Славяне стали заниматься земледелием в совершенно новых для них климатических условиях, отличался состав почвы, не хватало сельскохозяйственных животных и орудий. Однако, несмотря на эти трудности, земледелием пытались заниматься даже на северо-востоке.

Еще во время работы Второй Камчатской экспедиции планировалось развитие хлебопашества на Охотском побережье, о чем можно узнать из доношений В. Беринга в Сибирский приказ на Г.Г. Скорнякова-Писарева, коменданта Охотского порта в 1731—1740 годах [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 23. Л. 15—18]. В пахари он должен был определить любых людей, «кто не стар и не увечен», даже каторжников [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. Л. 1].

В документах Первого Сибирском комитета сохранились выписки из некоторых законов 1730—1760-х годов о заселении Сибири русскими поселенцами. В них периодически появлялись упоминания о необходимости занятий земледелием, выращиванием зерна в Сибири, на Камчатке, в Якутске [Там же. Л. 1 об. — 2, 4, 5, 11—13 об.].

Особое внимание власти обращали в Сибирской губернии на Забайкалье, в районах Иркутска, Селенгинска и Нерчинска:

«о умножении около Селенгинска и Нерчинска хлебного сева, который тамошними служивыми людьми и хотя б полкам, живущим на границе, при первом случае учинить можно».

По всему государству искали помещиков, желающих выделить часть крестьян для поселения в этот регион:

«Кто пьянствами, непристойными проступками вред, разорения и беспокойства причиняют, но годных к работам и не старше 45 лет, отдавать к объявленному поселению».

Даже часть сосланных в Сибирь для отправления на Нерчинские заводы в каторгу колодников, а также посланных в рекрутский

зачет помещичьих людей в Колыванские заводы решено было поселить на дороге от Тобольска к Иркутску и от Иркутска до Нерчинска по братской степи.

В начале 1761 г. Сибирскому приказу было дано задание отправить в Якутск титулярного советника Федора Чередова в качестве воеводы,

«а на Камчатке для заведения хлебопашества быть отцу его, капитану Чередову, определяя к нему одного желающего и знающего камчатские места помощника. На заготовление надлежащих к хлебопашеству материалов и на покупку хлеба выдать Сибирскому приказу оному титулярному советнику Чередову денег 1000 рублей с распиской».

Если успеха не будет, то деньги должны быть возвращены. Сибирский приказ должен послать указы в Охотск морским офицерам *«и к кому надлежит»* об отправке на Камчатку семенного зерна и прочих материалов, о перевозе его через море.

Таким образом, в середине XVIII в., судя по указанным документам, Россия планировала выращивать хлеб на Камчатке. И если бы этот проект стал успешным, то он косвенным способом повлиял бы на еще более ранний срок прекращения работы Нерчинской экспедиции. Можно предположить, что у кого-либо из чиновников могло появиться сомнение в необходимости развития хлебопашества в Нерчинском уезде, если появилась бы возможность выращивать хлеб на месте, на Камчатке и в Якутии.

В инструкции же В.А. Мятлева руководителю Нерчинской экспедиции Ф. Соймонову несколько пунктов были посвящены развитию хлебопашества в Нерчинском уезде.

«Особливо вам нужно изучить пространство Нерчинского уезда — свободных и удобных мест к хлебородию и поселению земледельцев, а не тех мест, на которых тамошние народы поселение и кочевье имеют. Чтобы притеснения никакого тем народам от земледелия не было. Требовать, чтобы воеводская канцелярия приказала сеять разных семян для пробы, а именно: конопель для пеньки, в которой крайняя нужда состоит, горох, гречиху. Если этих семян нет, то требовать из Селенгинска и Иркутска»
[РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 374].

В.А. Мятлев, будучи сибирским губернатором, просил Сенат прислать 1500 нерегулярных казаков с семьями и детьми для колонизации и охраны этих земель. На каждую семью он просил выделить небольшую денежную сумму до того момента, как казаки обзаведутся своими пашнями. Важной задачей была организация изысканий в Нерчинском уезде условий для выращивания хлеба и сенокосения силами переселяемых специально для этого в Сибирь крестьян, разночинцев, осужденных и других социальных слоев населения [Сенатский архив Т. 9. 1901: 206–208]. Этим хлебом планировалось снабжать русское население в острогах на Дальнем Востоке, так как там цены на зерно были очень высокими.

Сразу же по прибытии в Нерчинск в 1754 г. Ф. Соймонов обратился в вышестоящие инстанции с просьбой о выделении ему и его команде секретной экспедиции из десяти человек участка под пашню и сенные покосы, *«сколько на то число душ по силе межевой инструкции надлежит без излишества»*, из имеющихся в Нерчинском уезде свободных земель воеводской канцелярии [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 628 об., 251а об.]. Кроме хлебных злаков (пшеница, рожь, ячмень), Ф. Соймонов старался выращивать горох, гречиху, коноплю для пеньки и другие технические культуры.

Сибирский губернатор В.А. Мятлев переслал в мае 1755 г. в Сенат прошение руководителя Нерчинской секретной экспедиции, экипажмейстера Ф. Соймонова, о выделении земли [Там же. Л. 599 — 601 об., 616 об. — 618]. В челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны от декабря 1754 г. Ф. Соймонов писал, что по приезду в Нерчинск он для пробы и пропитания своей команды на порожней земле сеял в зиму рожь, а *«будущую весну разные семена, которые здесь не севали, для пробы же сеять желаю»*. Поэтому ему нужен участок земли на 10 чел. под пашню и под сенные покосы.

Ф. Соймонов как руководитель Нерчинской секретной экспедиции, выполняя одну из ее главных задач о развитии земледелия в Нерчинском уезде, прислал в декабре 1755 г. свои предложения по этому вопросу сибирскому губернатору В.А. Мятлеву [Гольденберг 1979: 118, 127 и др.; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 474]. Тот переслал их иркутскому вице-губернатору И. Вульффу. Ф. Соймонов писал о том, что в Нерчинском уезде есть все возможности для развития не только хлебопашества, но и получения урожая большего, чем

в Аргунской и Ундинской слободах. Но для этого нужно отказаться от оброка в пользу десятинной пашни¹:

«Тот Соймонов из опытов за лучшее и признавает, чтоб из пашенных крестьян действительные работники от 15 до 60 лет».

Все оброчные одинаково платят пять пудов хлеба, но собирают его с разных по площади участков — с 15, 20 и даже с 30 десятин. Лучше будет, если они станут пахать одинаковые наделы, одну казенную десятину. За излишнюю пашню можно платить из казны *«четыре гривенные деньги, <...> то за убыток не признавает»*. С одной десятины, по расчетам Ф. Соймонова, можно снимать до 100 пудов зерна. Для этого нужно внимательно пересмотреть все категории крестьян: монастырских, оброчных, хлебных отсыпщиков, новокрещеных ясачных, разночинцев, посадских, которые торгом не занимаются, а пахут землю без всякого оброчного платежа, и набрать из них работоспособных на казенную десятину. Каждому такому землепашцу выделить участок в одну десятину казенной земли.

Однако такие «революционные» преобразования Ф. Соймонова в земледелии несколько обескуражили В. Мятлева, который стал советоваться с известным своей осторожностью и предусмотрительностью И. Вульфом. Мятлев беспокоился о том, что перевод крестьян к пашенному земледелию вместо прежнего оброка и платежа пятиного хлеба² может оказаться для людей очень тяжелым бременем. Мятлев на этот счет не получал никаких указаний из вы-

¹ Понятие «Десятинная пашня» связано с системой измерения площади земли. Десятина — единица земельной площади, равная 2400 квадратным саженьям (около одного гектара). Десятинную пашню, или государеву, казенную пашню, обрабатывали пашенные крестьяне в порядке феодальной повинности. В Сибири такая повинность в основном была распространена с XVII в. до начала 1770-х годов, когда она была заменена денежным налогом. Пашенный крестьянин получал в пользование участок земли при условии обработки участка десятинной пашни, который был больше своего в 4–6 раз. Пашенный крестьянин обрабатывал, сеял и убирал урожай с десятинной пашни, сдавал его, а весной получал семена для нового посева [Шунков 1946: 21–45 и др.].

² Пятиной хлеб — пятая часть урожая, взимаемая за аренду участка земли.

шестоящих инстанций, но именно он нес ответственность за все происходящее в регионе:

«Ибо собой определены учинить не только не возможно, но и крайне опасно, дабы вместо уповаемого хлебопашеству умножения излишнего пахотою крестьянство не привест в упадок, и прежде положенных на них оброков платить в несостоянии».

Кроме того, предложение Ф. Соймонова о переводе в казенную десятину разночинцев, «*платящих семи и четырегривенный оклад*», противоречило печатному плакату и именным указам, запрещавшим «*положенных в подушный оклад <...> другими поборами тягощать*». Сам Мятлев за лучший способ хлебопашества считал развитие земледелия за счет переселенцев, например 1294 чел. с пермских соляных промыслов. Часть из них могла пойти на укомплектование Якутского полка, остальные же — расселены в Нерчинском уезде. По мнению Мятлева, следовало не тягощать оброчных крестьян и особенно разночинцев, «*платящих в казну подушные, сами и четырегривенные деньги, которые до сего времени, к такому тягощению никогда подвержены не были*».

Мятлев «*по порученной ему комиссии*» (т.е. Нерчинской секретной экспедиции) считал предложение Ф. Соймонова «*не без сомнения*» и предложил Вульффу:

«По забрани от Нерчинской воеводской канцелярии потребных справок, учиняя свое мнение, и с показанием пристойного к тому рассуждения для рассмотрения и необходимом к учинению в Высокоправительствующий Сенат представления, сообщить ко мне в скорости».

Кроме того, писал далее В. Мятлев, нужно учитывать и указ Е.И.В. (на который ссылается Ф. Соймонов), посланный в Иркутскую канцелярию в декабре 1747 г. из Сибирского приказа, «*о выключке из посаду не имеющих капитала и торгов, но только исчисляющихся под именем купечества, и о определении их на пашню*». Как исполнялся этот указ, В. Мятлеву было неизвестно, поэтому он и приказал Вульффу во всем разобраться и срочно доложить.

В сентябре 1756 г. иркутский вице-губернатор И. Вульффу отправил в Сенат подробнейший рапорт о состоянии хлебопашества

и серебряных заводов в Нерчинском уезде [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 462, 490–498, 564–565; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 878. Л. 15–27 об.]. Как всегда, часто пересказывая указания вышестоящих органов, И. Вульф писал о том, что он под руководством опытного директора Монетной канцелярии Шлаттера готов заниматься улучшением работы Нерчинских серебряных заводов и снабжением хлебом рабочих. Для их пропитания каждой семье необходимо выделить пять десятин земли и по 54 пуда зерна.

В очередной раз проявляя высочайший патриотизм, верность долгу и ответственность за порученные ранее дела, Ф. Соймонов продолжал активно заниматься развитием земледелия и хлебопашества даже на посту тайного советника и сибирского губернатора.

1 декабря 1757 г. Ф. Соймонов послал в Сенат доношение, в котором подробно изложил свою точку зрения по поводу улучшения земледелия в Нерчинском уезде, обосновал экономическую выгоду перевода крестьян с оброка на десятинную пашню и сообщил, что для руководства этим мероприятием он послал в Нерчинск своего сына Михаила [Гольденберг 1979: 155–163; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 878. Л. 1–6, 36–41]. В доношении Ф. Соймонов сразу же подчеркнул, что проблемы с земледелием в Нерчинском уезде он увидел еще во время своего трехлетнего руководства Нерчинской экспедицией в 1754–1757 гг. Плохое развитие этого вида хозяйства было связано, по мнению Ф. Соймонова, с нежеланием переселенцев активно заниматься хлеборобством, а также с бездействием местных властей. Между тем производство зерна в Нерчинском уезде было крайне необходимо для снабжения русского населения на северо-востоке страны, пропитания рабочих на Нерчинских заводах, горных служителей и военных команд *«для всяких в расуждении пограничного места нечаянных случаев»*.

Ф. Соймонов уделил много места в своем доношении подробнейшему расчету урожайности местных земель и абсолютно достоверно обосновал преимущество перевода действительных и монастырских крестьян, разночинцев, переселенцев на десятинную пашню. Показал очень высокую стоимость хлеба, привозимого во время неурожая в Нерчинск из Иркутска по Ангаре, через оз. Байкал и далее по Селенге до Удинска. От десятинной пашни получалась весомая экономическая выгода.

Однако для этого необходимо было послать в Нерчинск толкового обер-офицера (в данном случае М. Соймонова), который

должен был тщательно изучить трудовые ресурсы и отобрать для земледелия людей, которые подходили по возрасту, состоянию здоровья, имели необходимый опыт. Крестьян для пользы дела нужно было освобождать от уплаты оброка и переводить на десятинную пашню. Также надо было изучить, кто из посадских людей занимается торговлей, а кто уже самостоятельно пашет землю. Расчеты обязательно должны были включать конных и пеших казаков Якутского полка, нерчинских дворян Гантимуровых, а также переселенцев с пермских соляных промыслов.

Относительно последней категории потенциальных землепашцев Ф. Соймонов справедливо предостерегал, что эти люди несколько лет не смогут приносить пользу в земледелии, так как им необходимо построить жилища, обустроиться на новом месте, разработать земельные участки и т.п. Особо нужно было учитывать членов Нерчинской экспедиции, а также учеников навигационных школ, для пропитания которых специально закупались хлебные запасы.

Ф. Соймонов рассчитал, что для получения необходимого экономического эффекта от использования людей именно на десятинной пашне необходимо, чтобы каждый крестьянин пахал казенной пашни

«по одной десятине в поле, прибавляя по несколько во всяком году к старым распашным землям новой, понеже на поднятых вновь землях всегда от двенадцати до двадцати и более противу севу мер в урожайе бывает».

Прибыль должна составить 88 тысяч пудов

«по покупной в Нерчинске самой нижней цене, считая за пуд по 10 копеек, на 8800 рублей».

В качестве законного обоснования данного перевода крестьян на десятинную пашню Ф. Соймонов приводил указ Сената от 18 февраля 1726 г. *«О определении Сибирской губернии крестьян на пашню, и о сложении с них за то четьрегривенных подушных денег».* Польза будет не только простым людям, но и государству *«тамошним земледельцам нынешнего в платеже оброчного и доимочного хлебов тягость пресечена, а высочайшему Е.И.В. интересу немалое пополнение быть могут».*

В январе 1758 г. Ф. Соймонов доносил в Сибирский приказ о том, как он вместе с иркутским вице-губернатором занимается проблемой пропитания, выдачи зерна переселенным в Нерчинский уезд с пермских соляных промыслов разночинцам и крестьянам [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 878. Л. 30 — 32 об.]. Соймонов неоднократно подчеркивал, что он знает положение крестьян Нерчинского уезда не понаслышке, а по результатам собственных наблюдений, производимых им во время руководства Нерчинской секретной экспедицией. В первую очередь крестьян необходимо обеспечить землей для пашни, сенокосов, лошаадьми. Соймонов предложил выдать деньги на покупку лошадей непосредственно людям. Однако этот процесс замедлился из-за действий И. Вульфа, который вместо организации покупки лошадей по привычке вступил в длительную переписку, требовал резолюции, писал доношения в Сенат. В связи с этим Ф. Соймонову также приходилось писать в Сибирский приказ и просить содействия:

«Коиими ежели покупкой из казны их ныне не обзавестъ и не удовольствовать, <...> то им хлеб пахать будет не на чем».

В Сибирский приказ был послан экстракт из мнений Ф. Соймонова и И. Вульфа [Там же. Л. 33–35].

С подобными просьбами в Сенат о скорейшей покупке лошадей, выдаче денежной ссуды на обустройство переселенцев в Нерчинский уезд в феврале 1758 г. обращались и чиновники Сибирского приказа [Там же. Л. 28–29 об.].

В июне 1758 г. Ф. Соймонов известил Сенат о том, что марте он получил из Высокоправительствующего Сената указ Е.И.В. от 21 февраля под № 285, разрешавший заниматься в Нерчинске и уезде земледелием на казенной десятинной пашне с определением на нее оброчных крестьян, разночинцев, монастырских вкладчиков и посадских, а также о посылке туда для руководства М. Соймонова [Там же. Л. 13–13 об.]. Выбор на М. Соймонова пал именно из-за того, что он длительное время находился в Нерчинске при своем отце, Ф. Соймонове, руководителе Нерчинской экспедиции, и хорошо знал состояние дел в уезде. 25 мая М. Соймонов был отправлен в Нерчинский уезд с подробнейшей инструкцией от Соймонова-старшего.

Таблица 11

По мнению тайного советника и сибирской губернии губернатора Соймонова	Где что есть и в какую цену	По мнению господина ген. майора и иркутского вице-губернатора Вульфа
На всякого действительного работника надлежит дать без чего при первом случае им обойтись невозможно по одной лошади, которых в покупку в Нерчинске во всякое время сыскать можно.	В Нерчинске покупаются лошади езжалые работные от 4 до 8 лет по восемь, семь, пять, четыре рубля. Кобылы работные от 4 до 2 с половиной рублей. Кобылы неезжалые летами в два и один год ценой по два и по полтора рубля. Жеребята молодые в два, в год и менее ценой по два и полтора рубля.	
Ежели собственные у них имеются по одной паре сошников, по косе, по топору и по паре серпов.	Оного в Нерчинске в покупке обыскать и имеющимися кузнецами за недостатком железа сделать не можно.	Не соизволено ль будет оное прислать в Иркутск на судах из Тобольска на то число, сколько людей потому будет определено.
	А в Иркутске в продаже из привозных из Нерчинска по немногочисленному числу бывает. Топоры от 40 до 80 копеек пара. Сошники от 60 до 90. Серпы от 16 до 20 копеек, коса от 25 до 40.	Потом отправлено из Тобольска в Якутск Якутского полку с подпрапорщиком надежным для раздачи имеющимся ныне в Нерчинске пришлым людям, принадлежащим к хлебопашеству разных припасов, а именно: сошников 500 пар, топоров 500, серпов 1000, 500 сенокосных кос.

Продолжение таблицы 11

	А когда в Иркутске ковал, то по недостатку железа, стали и мастеров людей цена предписанной полуторна бывает.	Для наискорейшего в состояние привода по предписанию господина тайного советника Соймонова всем им требуемое определить, да сверху оно по прибытье
Мнение тайного советника Соймонова	Мнение иркутское	
Надлежит ли оно для соблюдения высокого интереса по обзаведению и с них взыскать и в какое время, оставляем к рассуждению к поселению оных пришлых господином ген. майором Вульфом на означенные места при заимках на речке Черной и казака Деревнина но ныне де при первом случае, кажется, быть невозможно, потому что при тех заимках на все число душ годной к хлебопашеству земли сыскать безнадежно и затем не повелено ль де будет из оных расположить тех, кои для поселения в вышеписанных заимках по числу обысканной к пашне годной земли потребны будут поблизости	<p>В Нерчинск тоже им дать, что и переведенным с Лены крестьянам по указам Правительствующего Сената и Сибирского приказа велено, а именно:</p> <p>В платеже провианта льготы на три года.</p> <p>Каждой семье отвести для поселения пахотной земли по 5 десятин в поле, а в дву (?) потому сенных покосов по 150 копен.</p> <p>Помянутым переведенным члены крестьянам сначала на семена и пропитание хлеба выдано из казны, смотря по семьям которое им возвратить определено в казну, тогда как в пахоте и в севе хлеба обзаведутся и по воле божьей урожая хлебу будет.</p> <p>А переведенных из Пермских пришлых за все ль им отпущенное и через какое время взыскание учинить на то ген. майора Вульфа мнение не положено.</p> <p>За неимением в Иркутске о положении тех мест никакого известия не можно пристойное сколько можно сюда к поселению прибавить предъявить, а для наилучшей в том пользы, по мнению Иркутской канцелярии, надлежит тот развод к селению, смотря по положению тамошних мест отдать в полную господина тайного советника Соймонова диспозицию с тем напоминанием, чтобы тех людей к поселению разводить в такие места, которые бы перед другими были елико способнее к промыслу</p>	

Окончание таблицы 11

<p>к тем местам в деревнях Куларской и Лоншаковой, а другую часть по речке Куреня (?) в деревнях Копуской (?), Шивинской и Данской (?) из которых при каждой уповательно дворов по 15 поселиться может, а прочие по рекам Ингоде и Шилке между острогов Читинского и Нижне-Сретенского по имеющимся ныне по тем рекам деревням, где будучи оные свободно могут лес поблизости привести (?) оные деревни рубить и строение из оного производить сами или сие которую неотяготительную тех заимок обывателям помощь, а до того времени как те посельщики свои строения построят, надлежит им быть у обывателей в заимках</p>	<p>с толком (?) и безопасному и на оные житью, а иногда и пристойные из оные отпору в случае какова на них нападения для которого и за надобное почитается им в те места всю селитьбу оградить надолбами, тыном или рогатками, смотря по способности места и расстояния от границы, а затем то все подвергается апробации.</p>
--	--

В мае 1758 г. Ф. Соймонов послал подробную инструкцию о проблемах выращивания хлеба своему сыну М. Соймонову [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 1 — 16 об.].

В этом документе имеется явная и прямая связь с трехлетним руководством Ф. Соймоновым Нерчинской экспедицией: *«довольно усмотрено мной чрез трехлетнее в Нерчинске бытие, о умножении в тамошнем уезде хлебопашества, долговременного воеводами нераде-*

ния». Осознавая важность хлеба для развития всего края, Ф. Соймонов писал, что не смог не прилагать массу усилий для его выращивания «*хотя по поручении мне секретной комиссии и другими многими обязан был делами и исправлениями*». Ф. Соймонов занимался заведением в Нерчинске и в уезде казенной десятинной пашни, поисками для работы на ней пашенных и оброчных крестьян и разночинцев, посадских и монастырских вкладчиков.

Однако в марте 1757 г. Ф. Соймонов по указу Сената стал Сибирским губернатором и руководство Нерчинской экспедицией было передано капитану Якутского полка П. Бегунову. По ордеру Ф. Соймонова Бегунов должен был отвечать и за пашенных крестьян. Остальные же категории потенциальных хлебопашцев (разночинцы, посадские, монастырские вкладчики и оброчные крестьяне) Ф. Соймоновым были поручены его сыну, артиллерии поручику М. Соймонову, который и занимался определением земледельцев, годных на десятинную пашню.

Свой выбор губернатор Ф. Соймонов обосновал тем, что из всех имеющихся в наличии обер-офицеров лишь его сын Михаил хорошо знает положение дел в Нерчинске, так как в течение трех лет был там с отцом и принимал активное участие в мероприятиях Нерчинской секретной экспедиции.

В соответствии с инструкцией 1758 г. Михаил Соймонов должен был взять из команды своего отца канцеляриста Алексея Данилова, Сибирского гарнизона сержанта Карпа Карпова, солдата Ивана Глазунова и «*немедленно со всяким поспешанием*» ехать из Тобольска в Нерчинск на шести почтовых подводах с подорожной от губернатора и прогонными деньгами от Сибирской губернской канцелярии.

Для того чтобы М. Соймонову на месте было оказано необходимое содействие в поисках хлебопашцев на десятинную пашню, были посланы указы и наставления в Нерчинскую воеводскую канцелярию из Иркутской, в монастырь из консистории, в ратушу¹ из провинциального магистрата, в Иркутск ген. майору и Иркутскому вице-губернатору Вульффу.

Инструкцию И. Вульффу М. Соймонов должен был передать сам в Иркутске. Эти указания были необходимы, чтобы М. Соймо-

¹ Ратуша — орган по управлению городским населением, в основном купцами и ремесленниками.

нову местные светские и церковные чиновники без волокиты и бюрократизма выдали точные списки разночинцев, посадских, монастырских крестьян и т.п. Иначе нужно было бы ждать ответа из Санкт-Петербурга, а на это, учитывая время на переписку, могло уйти все лето, т.е. страдная пора.

Такого времени у М. Соймонова не было, ибо он должен был выявить всех оброчных крестьян, которые вместо десятинной пашни платили в казну оброчный провиант по 45 пудов с 15 десятин. Годных к работе нужно было поставить на десятинную пашню, а оброчный провиант с них снять, сообщив о том в Нерчинскую воеводскую канцелярию.

Имевшихся в Нерчинском уезде разночинцев, перешедших в этот социальный слой по генеральной ревизии из крестьян, казачьих детей, из которых многие платили оброчный провиант, а прочие — пятиной хлеб, следовало также внимательно рассмотреть. Надо было определить годных на десятинную пашню, сняв с них налог в виде оброчного провианта и пятиного хлеба.

Из числа посадских, переселившихся из русских городов русских крестьян и бобылей, которые не занимались торговлей, а сеяли хлеб в деревнях Нерчинского уезда, платили по указу 1732 г. за землю оброчный провиант по 45 пудов или пятиной хлеб, М. Соймонов также должен был отобрать лучших для государевой пашни, но предварительно узнав, из каких они чинов и городов. Тех, кто действительно занимался торговлей, следовало оставить в коммерции. Всех остальных — оставить при ратуше, но выбор земледельцев производить очень тщательно, чтобы ратуша не присвоила их себе, *«ибо они состоят будут уже государственными крестьянами, а не посадскими»*.

Подобным образом, М. Соймонов должен был классифицировать монастырских крестьян, в числе которых были переселенцы из различных российских городов, государственные, черносошные крестьяне¹, казаки и казачьи дети, пашенные и оброчные крестьяне, числящиеся в посаде, новокрещенные тунгусы и другие категории,

¹ Черносошные крестьяне — категория не крепостных крестьян. Они жили на государственной, «не владельческой», «черной» земле, не были лично зависимыми и несли повинность в пользу государства, а не конкретного помещика. Например, из сословия черносошных крестьян происходил великий русский ученый М.В. Ломоносов (1711–1765).

самовольно бросившие «казенные службы и тягло». В монастыре нужно было оставить только престарелых и увечных.

В пашенные крестьяне нужно было набирать мужчин, способных к хлебопашеству, от 18 до 50 лет. Ф. Соимонов рекомендовал своему сыну не использовать жителей только Итанцинского острога, которые, по указу Сената, задействованы на десятинной пашне в Селенгинске (ими должен был заниматься бригадир В. Якоби).

Отобранные земледельцы, имевшие *«по силе воеводского наказа полное число по пятнадцати десятинам отводной земли»*, обязаны были пахать одну десятину казенной пашни. Тем, кто не имел своей земли, нужно выделить из порожней и велеть пахать казенную десятинную пашню, *«а на первой случай <...> по половине десятины»*. Участки указывалось выделять как можно ближе к поселениям крестьян, чтобы они не тратили время на длительные переезды.

Хлеб крестьяне должны сеять ржаной и яровой, получая семена из имеющегося запаса в Нерчинских магазинах, *«также и из покупного экспедиционного»*. Кроме того, семена можно купить и *«у тамошних обывателей посредственными ценами, и на покупку оногo деньги требовать от Нерчинской канцелярии»*.

Смотреть за этим процессом земледелия должен Иван Епифанцев и другие дети боярские, список которых Ф. Соимонов послал капитану П. Бегунову. Если их числа будет недостаточно, то тогда М. Соимонов должен требовать подобных смотрителей из числа добрый казаков у Нерчинской канцелярии, как и необходимых для дела материалов: бумаги, чернила, сургуча, свечей и т.п.

Капитан П. Бегунов из своих служителей (т.е. из числа членов Нерчинской экспедиции) должен был выделить М. Соимонову людей для отвода земель, рассылок и других нужд.

После выбора пашенных земледельцев М. Соимонов должен был составить поименные списки всех категорий крестьян, с указанием возраста, занятий, причин, мешающих заниматься земледелием, отослать эти списки в Нерчинскую канцелярию с требованием использовать их всех для государственных нужд по способности.

Всем выбранным пашенным земледельцам, определенным на десятинную пашню *«по примеру состоявшегося в 1746 году февраля 18 дня в Высоком Сенате о определении Сибирской губернии крестьян на пашню и о сложении с них за то четырехривенных подушных денег указа»* следовало назначить налог в виде подушного оклада по 70 коп. с души, а прежний четырехривенный *«помещиков доход*

за пахоту десятинной пашни» платить за них из средств Нерчинской канцелярии. Этот новый налог надо было назначать в зависимости от готовности конкретного крестьянина приступить к обработке десятинной пашни с осени 1758 г. или с весны 1759 г.

Расходы на переезды М. Соймонова, его служителям для отвода участков земли должна нести Нерчинская воеводская канцелярия. О всех финансовых расходах, количестве семенного хлеба, площади засеянных земель, размере урожая М. Соймонов должен был сообщать в Нерчинскую канцелярию и капитану П. Бегунову, находившемуся «у экспедицких дел».

Собранный десятинный хлеб надо измерять не пудами, а четвертями (как велено указом Высокоправительствующего Сената) и славать на хранение специально определенным от Нерчинской канцелярии людям.

Своего сына Ф. Соймонов наставлял заниматься проблемами земледелием «к лучшей пользе высоких Е.И.В. интересов» как честному офицеру, по исполнению же всех пунктов данной инструкции служителей П. Бегунова обязательно вернуть в его команду. Об исполнении рапортовать ген. майору И. Вульффу обстоятельно, а в Селенгинск бригадирю В. Якобию «для ведома кратко». По прибытию в Тобольск надлежало доложить подробно губернатору Сибири.

В мае 1758 г. Ф. Соймонов послал подобную подробную инструкцию о развитии земледелия в Нерчинском уезде иркутскому вице-губернатору И. Вульффу [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 475]. Эти предложения стали логичным продолжением его занятий земледелием в качестве руководителя Нерчинской экспедиции:

«О размножении в Нерчинске и в уезде хлебопашества, воследующем от Сената на мое представление повелении, не могу оставить того, чтоб мне оное размножение хлебопашества яко и без того многими порученными делами обязанному на себя приимать».

Однако Ф. Соймонов был очень недоволен бездеятельностью в этом отношении местных воевод, в частности Нерчинского воеводы, коллежского асессора Г. Губина. За восемь лет Г. Губин, хотя и прекрасно видел нехватку провианта, но ничего не делал для улучшения тяжелого продовольственного положения в уезде, что негативно сказывалось и на положении военных команд. Вместо того

чтобы дорого покупать хлеб в Иркутске, следовало бы постараться развить местное земледелие. Однако воевода Губин и сам ничего не делал, и, если бы обладал большей властью, то запретил бы и мероприятия Ф. Соймонова, три года руководившего в Нерчинске секретной экспедицией:

«Губин не токмо сам радение не имел, но ежели б ему возможно было, то б и меня до того не допустил, как я в трилетнее в Нерчинске бытие довольно то присмотрел».

Ф. Соймонов предложил заниматься в Нерчинском уезде прежде всего казенной десятинной пашней, отобрав для этого годных по здоровью людей из пашенных, монастырских и оброчных крестьян, из разночинцев и посадских.

Свое указание Ф. Соймонов подкрепил ссылкой на указ Е. И. В., в котором инициатива Соймонова о десятинной пашне поддерживается свыше. Свое распоряжение Ф. Соймонов переслал в Нерчинск капитану П. Бегунову, *«находящемуся у исправления порученных экспедицких дел <...>, ордер от меня о определении на десятинную пашню и послан, но только об одних пашенных крестьянах».* Поэтому И. Вульф должен был заниматься и другими категориями земледельцев.

Далее Ф. Соймонов кратко информировал И. Вульфа о том, что он послал в Нерчинский уезд для занятия земледелием своего сына М. Соймонова:

«которому по данной от меня инструкции велено в Нерчинске оброчных крестьян, разночинцев, монастырских вкладчиков и посадских всех разобрать и годных к хлебопашеству сколько возможно выбрать будет, от осмнадцати до 50 лет и определить на казенную десятинную пашню».

Все крестьяне, имевшие в пользовании пятнадцать десятин земли, обязаны были обрабатывать одну казенную десятину. Людям, не имеющим землю, нужно ее выделить и заставить обрабатывать половину казенной десятины.

После того как поручик М. Соймонов выполнит возложенные на него поручения, *«...велено оной все с обстоятельством и с именными списками поручить в смотрение вышереченному капитану Бегуно-*

ву...». То есть заботу о земледелии М. Соймонов должен передать капитану П. Бегуну, отвечавшему в тот момент и за Нерчинскую секретную экспедицию. Сам же М. Соймонов должен по зимнему пути 1758 г. вернуться из Нерчинска в Тобольск.

Далее Ф. Соймонов дал особое наставление И. Вульффу относительно Нерчинского воеводы, коллежского асессора Г. Губина, чтобы *«он Губин, последуя прежним своим непорядочным и особым поступкам и ныне поручику Соймонову в порученном ему деле или по нем капитану Бегуну препятствии и остановки в чем не учинил»*. Вульф должен был послать в Нерчинскую канцелярию особый указ *«с наикрепчайшим подтверждением»* и проследить, чтобы Губин не мешал присылке именных списков разночинцев и оброчных крестьян, не противодействовал детям боярским, выбранным *«к надсматриванию хлебопашества»*, не вмешивался в процесс изменения налоговой политики в уезде, не привлекал пашенных крестьян с десятинной пашни на другие работы. Нерчинская воеводская канцелярия должна была дать обстоятельный отчет за 1757 год о том, сколько было взято хлеба и как он был распределен, а также о провианте, который по вине местных властей был испорчен. Этот инцидент произошел после ухода Ф. Соймонова с поста руководителя Нерчинской экспедиции.

Ф. Соймонов интересовался в октябре 1760 г. у В. Якоби о размере урожая казенного хлебопашества в Итанцинском остроге, о том, какой сорт зерна лучше приживается на сибирской земле и т.п. [РГАДА. Сибирский приказ. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 240 — 241 об.]

В развитии земледелия в середине XVIII в. в Забайкалье, конкретно в Нерчинском уезде, величайшая заслуга Ф. Соймонова. Причем не только как руководителя Нерчинской секретной экспедиции, выполнявшего одну из важнейших ее задач, но и как руководителя Тобольской секретной и о заграничных обращениях комиссии, как тайного советника и Сибирского губернатора. Ф. Соймонов не только эффективно развивал земледелие, но и привлекал к нему членов своей семьи, чиновников и военнослужащих. Если бы китайские власти разрешили проход по Амуру русским судам, то стараниями Ф. Соймонова Нерчинский уезд вполне мог бы стать настоящей житницей для русских поселений на тихоокеанском побережье. Этот талантливый человек никогда не забывал о хлебопашестве, дававшем основной вид пищи (в соответствии с этно-

культурными особенностями модели питания) славянским переселенцам, которые строили здесь новые города и остроги, дороги, горные рудники и металлургические заводы.

Как указывалось выше, одна из задач Нерчинской экспедиции заключалась в изыскании «в сибирской губернии разных родов руд и каменьев» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 61]. Особый пункт инструкции касался исследования месторождений железной руды, о чем нужно было расспрашивать местных жителей. Для доставки руды с возможных месторождений необходимо было узнать длину р. Олекмы, Витима и Нерчи, а также возможность транспортировки по ним железа на судах или плотках либо перевозки его сухим путем с якутских заводов.

Как известно, именно металлургия дает основной толчок комплексному развитию горнозаводских регионов, в том числе и социально-экономическому. С образованием в 1717 г. Берг-коллегии и в 1721 г. Высшего горного совета — Сибирского обер-бергамта в Екатеринбурге постепенно на огромном пространстве Сибири стали создаваться и региональные органы горнозаводского управления [Новиков 2011: 5–19].

Для строения Уровского серебряного завода (на р. Уров, левом притоке Аргуни) Берг-коллегия в октябре 1755 г. просила Сенат о переводе из Тобольской губернии 200 дворов, считая во дворе по четыре души, всего 800 душ [РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 74. Л. 236]. По указу Правительствующего Сената от апреля 1756 г. для развития Нерчинских заводов и «умножения хлебопашества» следовало переселить более двух тысяч человек из Кузнецкого или Томского ведомства на свободные места.

Семилетняя война (1756–1763) истощила государственный бюджет России, поэтому власть поручила руководителю Монетной канцелярии И. Шлаттеру разработать проект по улучшению работы Нерчинских серебряных заводов, расширению добычи руды и увеличению объема выплавки серебра. По указу Сената от 26 января 1756 г. Нерчинские сереброплавильные заводы были переданы в ведение особой Нерчинской экспедиции. Ответственным за их работу был назначен иркутский вице-губернатор И.П. Вульф. Но, как всегда, Вульф не старался проявлять особое рвение на службе, в том числе и на это новом «посту». Поэтому в 1757 г. была создана Канцелярия Нерчинского горного начальства под руководством энергичного Н.Г. Клеопина. В 1760 г. Нерчинское горное начальство

перешло под управление Берг-коллегии и Канцелярии Главного заводов правления, которое в 1763 г. возглавил бригадир В.И. Суворов. А до его приезда в Забайкалье «*смотрение над заводами имел*» сибирский губернатор Ф. Соймонов [Новиков 2011: 17].

Опыт Нерчинской экспедиции в строении судов на р. Хилок, перевозки по нему грузов в значительной степени повлиял на характер дальнейшего социально-экономического развития региона, горной промышленности, процесс переселения крестьян, рабочих на Нерчинские и другие металлургические заводы.

Об этих мероприятиях, в частности о проблемах перевоза переселенцев на р. Хилок и Нерчинские заводы, в конце 1750-х годов велась переписка между сибирским губернатором Ф. Соймоновым, Нерчинским горным начальством, Енисейской провинциальной канцелярией [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д.485 а. Л. 10–15 об.].

Переписка происходила следующим образом. Нерчинское горное начальство обращалось к Енисейской провинциальной канцелярии с освещением той или иной проблемы, связанной с переселенцами и металлургическими заводами. Енисейская канцелярия, в свою очередь, докладывала сибирскому губернатору Ф. Соймонову, который принимал окончательное решение.

Так, предварительно речь шла о перевозе переселенцев с Пермских заводов и выдаче им по одной подводе на шесть человек. Во время подобной перевозки людей из Соликамска в Нерчинск у переселенцев не было с собой инвентаря, поэтому на одну подводу помещали двух мужчин и двух женщин. Однако впоследствии выяснилось, что у енисейских переселенцев много домашнего скарба, сельскохозяйственных орудий, у некоторых большие семьи. Поэтому Ф. Соймонов принял решение выделять одну подводу для двух человек. Следить за порядком при переселении был определен Енисейский воевода, ассессор Рыкачев «*чтобы интересу Е.И.В. без убыточно*».

Енисейская канцелярия заострила внимание властей на том, что многие переселенцы, в том числе дети, не имели теплой одежды. Поэтому во время зимнего переселения в Нерчинск они могли пострадать от морозов. Их заранее предупреждали, чтобы каждая семья имела теплую одежду, а для маленьких детей изготавливали крытые сани. На все эти заботы выделялись деньги за счет Нерчинских заводов, но с обязательным возвратом «*по прибытии их к Нерчинску на поселение через год из собственного своего кошту*».

Губернатор распорядился провести тщательную проверку и купить теплую одежду, обувь, продовольственный провиант на дорогу. После того как переселенцы к Нерчинским заводам обживутся своими домами, они обязаны вернуть эти деньги или отработать на заводе стоимость купленных вещей.

Кроме того, к переселению нужно было выбирать только здоровых людей, годных к работе. Старых же, дряхлых, малолетних, больных отправлять на Нерчинские заводы только в составе семей и принимать на работу *«без зачету»*, одиночек из таких категорий оставлять на месте. Если в семье наберется больных или старых более трех человек, то такие семьи тоже следует оставлять на месте. Нежелающих переселяться, беглых обязательно искать и отправлять на заводы насильно.

При выборе переселенцев из категории посадских и цеховых комиссия из дворян, купцов должна внимательно следить за списками от Енисейского магистрата, чтобы среди них не оказалось должников, *«на коих останутся казенные и партикулярные долги и доимки»*, с тем чтобы их долги не переводить на Нерчинские заводы. Предписывалось большие и тем более казенные долги обязательно взыскивать с должников. Необходимо было внимательно подходить к разбору всех случаев частных долгов *«в рассуждении, что по нежеланию на переселение к заводам многие из них <...> долги на себя всклепали»*. При этом указывалось не обращать внимания на мелкие долги, так как люди при переезде лишаются своих домов и пашен. Достаток у них при переселении мог появиться лишь через многие годы.

Тем переселенцам, которые поплывут на судах по Хилку и повезут не только свой скарб и сельхозорудия с инструментами, но и казенные грузы, предписывалось обязательно выдавать паспорта, провиант и деньги из казны. Но нужно было следить, чтобы они в пути не истратили *«и не промотали»* казенные деньги. Следить за этим должны дворяне или дети боярские, *«верные и надежные»*.

Переселенцам следовало выдать хлеб по норме: лицам обоего пола от 9 до 12 лет по полпуда, от 12 до 18 лет — полтора пуда, от 18 и выше хлеба не давать, *«ибо хлеба у них излишек»*. Кроме того, прежним переселенцам хлеба не давали вообще. Для заготовки хлеба нужно время, а его на тот момент не было.

Енисейская канцелярия предложила по всему маршруту *«на 403 верстах»* создать для переселенцев станции, на которых выдава-

лись бы обывательские подводы и сменные лошади, кроме того, попросила губернатора распределить между сибирскими канцеляриями объем изготовления железных сельскохозяйственных инструментов для переселенцев.

Ф. Соймонов согласился с созданием сети станций. Относительно 1000 пудов железа дляковки инструментов, 200 пудов уклада¹, ручных горнов и других материалов, которые канцелярия Нерчинского горного начальства требовали от Енисейской провинциальной канцелярии, Ф. Соймонов распорядился следующим образом. Ручные горны и уклад следует купить в Енисейке и отправить в Иркутск. Железо не покупать, так как в ведомстве капитана П. Бегунова имеется готовое железо, приготовленное для Нерчинской секретной экспедиции, оно хранилось в Аргунске, недалеко от Нерчинских заводов. Кроме того, было 1000 пудов железа, перевезенного из Тобольска в Иркутск и далее в Архангельские магазины *«покупного для секретной экспедиции»*. Часть его нужно было использовать для строительства судов на р. Хилок, остальное отдать на заводы, по рассмотрению И. Вульфа, которому на этот счет отправлен ордер.

В упоминавшемся уже доносе на Ф. Соймонова штурман М. Татаринов писал о том, что Соймонов распустил переселенцев в Нерчинский уезд, на которых было потрачено много денег из казны, чем принес ущерб империи [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 522. Л. 8 об.]. На самом же деле, как сообщил Ф. Соймонов, присланные для поселения семьи были отпущены для прокормления, но уже после отъезда Соймонова, в 1758 г. Причем сделано это было по объективной причине, из-за плохого урожая. Трата же денег из казны производилась не по воле Соймонова, а по указам Е.И.В., поступившим из Правительствующего Сената сибирскому губернатору В.А. Мятлеву. Здесь Соймонов подчеркнул: неужели Татаринов полагает, чтобы в России какие-либо мероприятия, а тем более государственной важности, могли производиться без указания свыше?

¹ Уклад — это сырцовая сталь, которую до конца XVIII в. получали из железной крицы. Крицу нагревали, резко остужали, и при ударе от нее отделялись листки. Их укладывали (отсюда и просходит название) в раскаленные угли, нагревали и сваривали. Из полученной стали изготавливали холодное оружие, сельскохозяйственные орудия и другие предметы [Кудрин 2003: 5, 6 и др.].

В 1759 г. Ф. Соймонов послал к И. Вульффу нарочного капитан-наرمуса Бабицына с предложением о перевозке зимой 1760 г. посельщиков из Енисейска к Нерчинским заводам [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 476. Л. 1–32.]. Бабинцеву были выданы подводы за счет Нерчинских заводов. Этих переселенцев нужно было поселить с учетом возможности последующего урожая хлеба, достаточного для их прокорма, хотя бы на первое время. Конкретные места для поселения должна указать Горная канцелярия. Вульфф должен позаботиться о теплой одежде для людей, которые будут плыть с детьми и женами, багажом и припасами три месяца по Хилку до устья р. Гарики и еще выше на 80 верст до устья р. Уляты. Через хребет (64 версты) багаж будет перевозиться на верблюдах.

По р. Ингоде до Читинского острога и до Нерчинска переселенцы сплавятся на плотках без ущерба для казны. Домашний скот переселенцев можно гнать по Хилка, потом по Ингоде до самого Нерчинска и кормить полевым кормом (*«как обыкновенно покупной в Нерчинске скот до Кяхты гонен бывает»*). Если не до Нерчинска то по крайней мере до Удинска переселенцы вполне дойти смогут,

«о чем от господина тайного советника Соймонова и в Нерчинскую экспедицию донесено быть имеет, также и в Нерчинское горное начальство предложено».

Распределением железа Нерчинской экспедиции на строящиеся на Хилке суда и заводы должны заниматься ген. майор Вульфф и капитан Бегунов.

Ф. Соймонов и В. Якоби в январе 1760 г. послали рапорт в Сенат с обоснованием экономической целесообразности перевозки людей и грузов по р. Хилку. Соймонов надеялся, что скоро может последовать от Сената одобрение для его инициативы *«об умножении населения»*. Обо всех этих мероприятиях предложено было

«сочинить Е.И.В. указ и послать этот указ Соймонову, Вульффу, а также, для ведома, и в Нерчинскую экспедицию» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 151–159].

В декабре 1759 и в феврале 1760 гг. Ф. Соймонов обобщил в экстракт все сведения о пробе судов в перевозке людей и грузов по р. Хилку и послал его в Сенат [Там же. Л. 120–123]. Сначала

Соймонов напомнил Сенату об одной из задач Нерчинской экспедиции по поиску выгодного пути по перевозке грузов по Сибири.

«Многотрудная перевозка тягостей от Селенги реки от Удинского острога до Еравинского через 282 версты, а от Еравинского до Читинского через Яблоновый хребет 130 верст, с приезде моего в Нерчинск».

Это побудило его изыскать другой, водный путь, который и был найден в результате исследований геодезистов.

«Ход <...> сыскался рекою Хилком до устья реки Гарихи, способной от той Гарихи сухим путем до Ингоды реки, способной дорогой через 64 версты до села Доронинского, от которого не только до Нерчинска, но и до Аргунских серебряных заводов и до деревни, которая по речке Аргуни от заводов только в семи верстах состоит, известный, надежный, водяной ход имеется».

В результате в 1759 г. три судна с провиантом и солдатами успешно прошли по Хилку вверх и были отправлены порожние обратно на устье. Таким образом, делает Ф. Соймонов вывод, удобная водная коммуникация имеется от Иркутска до Нерчинска и далее до серебряных заводов. Эта коммуникация может быть использована государством для решения важных вопросов (*«для какого-либо по секретной экспедиции впредь предприятия и для умножения людей на границе»*), а также для развития серебряных заводов. Ведь для рабочих нужно много продовольствия. Конечно, хлеб выращивался в Нерчинском уезде (например, в 1760 г. предполагалось засеять рожью 720 десятин, ярицей 1000 десятин), но этого количества зерна не хватало. Поэтому очень выгодно было бы организовать его доставку по р. Хилок. Для этого необходимо заселить имеющиеся по Хилку села *«вольными пересельщиками, а если таковые не найдутся, то и поневоле»*. Водный маршрут избавил бы народ, например братских хоринцев, от проблем перевоза грузов сухим путем. Таким образом, губернатор Сибири на первое по важности место ставил мероприятия Нерчинской секретной экспедиции.

Далее Ф. Соймонов кратко пересказал результаты своей переписки с бригадиром В. Якоби, который восхищен успехами Ф. Сой-

монова в деле организации строительства судов и перевозке на них грузов и солдат. Он предложил построить еще десять ушколов. Соймонов согласился с этим предложением, так как по указу Сената от 4 ноября 1759 г. велено было переселить на Нерчинские заводы 3125 душ, из них из Нерчинского ведомства — 1200.

В. Якоби выступил с еще одним дельным предложением: выделять земельные участки тем людям, которые согласились переселиться для строения судов. Соймонов полностью согласился с идеей о заселении р. Хилок от устья до р. Гарихи, ибо это и для Нерчинской секретной экспедиции *«впредь приятие успех и в казенных интересах приращение»*. Народу же будет большое облегчение от перевоза грузов по дороге. Но предварительно надо было послать опытного офицера для переписи всех людей, живших по Хилку до р. Гарихи, а в помощь ему дать трех учеников из Иркутской навигационной школы.

Ф. Соймонов согласился и с третьим предложением В. Якоби. Оно состояло в следующем: пока будут проводиться эти исследования и строиться суда на р. Хилок, часть грузов в междуречье Хилок — Ингода можно перевозить на верблюдах.

Ластовых судов подмастерье Алексей Попов в апреле 1760 г. также выступил с предложением о водном варианте перевоза переселенцев в Забайкалье, о чем он уже ранее сообщал коллежскому советнику Н.Г. Клеопину. От него об этом стало известно Нерчинскому горному начальству [Там же. Л. 145 об. — 146 об.]. Попов предложил построить 30 платшойтов и 20 ушколов или больших лодок для плавания на них по Шилке и Аргуни до деревни Серебрянки. Строить их предалгалось по тем же размерам, как и на р. Хилок в 1759 г. Только носы лодок нужно было делать острее, чтобы суда были легче в ходу.

Ушколы можно делать и большего размера, но обязательно плоскодонные. Для улучшения водонепроницаемости внутреннее пространство лодки нужно обтягивать просмоленным брезентом. А чтобы люди его не прорвали, на дно желательно укладывать доски. Железо на строение можно употреблять из того запаса 1000 пудов, что отправлено в Нерчинск.

Ф. Соймонов в своих январских, февральских и апрельских письмах 1760 г. И. Вульффу и советнику Н.Г. Клеопину в очередной раз пытался убедить иркутского вице-губернатора в экономической выгоде транспортировки 3125 переселенцев и их грузов на Нерчин-

ские серебряные заводы по р. Хилок [Там же. Л. 151–159, 168 об.]. Ф. Соймонов решительно критиковал и обоснованно опроверг ошибочное мнение Вульфа о том, что крестьян лучше перевозить сухим путем по четыре человека на одной подводе. Соймонов рассчитал, что в это число нужно добавить членов их семей, домашний скарб, продовольствие и сельскохозяйственные орудия труда. Никакая лошадь не сможет увезти такой груз. Поэтому подвод требуется гораздо больше — примерно более восьми тысяч и более семнадцати тысяч прогонных денег. Кроме того, это будет *«немалое отягощение брацким хоринцам»*.

Гораздо экономичнее, по его мнению, перевозить переселенцев по р. Хилок. При этом Соймонов ссылаясь на журнал геодезиста Федорова, который сам плывал по Хилку, отметил некоторые трудности такого плавания, но в целом признал путь хорошим. С этого журнала Соймонов сделал экстракт и послал копию Вульфу. Соймонов писал, что перекаты на р. Хилок есть, но они не идут ни в какое сравнение с опасностями на р. Юдоме и Ангаре, по которым люди все равно плавают.

Сухопутный участок длиной 64 версты переселенцы могли бы преодолевать на верблюдах, о чем у Соймонова есть согласование с бригадиром В. Якоби. Ф. Соймонов послал предложение в Кяхтинскую пограничную таможеню, где кратко пересказал обстановку с переселением крестьян на Нерчинские заводы. Написал он и о том, что они с бригадиром В. Якоби послали рапорт в Сенат о выгодном водном пути по р. Хилок для перевозки людей и грузов, подчеркнул необходимость в верблюдах [Там же. Л. 165–166 об.]. Для перевозки людей и припасов на сухопутном участке этого пути от р. Гарихи до с. Доронинского *«нужно содержать на первый случай 100 верблюдов и еще для перевозки тягостей нужно при Удинском пригородке до 30 верблюдов»*.

Соймонов рассчитывал именно на тех 20 верблюдов, что содержались при Кяхтинском форпосте для отправления китайского каравана, *«которого в Пекин отправления вскоре, за известными мне обстоятельствами, едва ли быть можно»*. Верблюдов таможня должна передать бригадиру В. Якоби. Остальные верблюды потребуются, когда будет построено нужное количество судов и Соймонов пришлет указ в Кяхтинскую таможеню.

Ф. Соймонов в очередной раз подчеркнул: раз переселение крестьян на Нерчинские заводы поручено указом Е.И.В. ему как си-

бирскому губернатору, он требует от Вульфа послать геодезистов М. Овцына из Илимска и В. Воинова из Селенгинска:

«Для осмотра земель и прочих угодий по всему Хилку по обеим сторонам до устья реки Гарихи, а от оной по сухому пути до села Доронинского, а от оногo вниз по Ингоде до Читинского острогу»
[Там же. Л. 151–159].

В помощь геодезистам нужно дать каждому по два ученика из Иркутской школы, немедленно выделить им положенные подводы и прогонные деньги до деревни Харитоновой. Подробную инструкцию Соймонов послал и указанным геодезистам.

Однако в мае 1760 г. сержант Сибирского гарнизона Карп Карпов прислал Ф. Соймонову печальное известие о том, что геодезист М. Овцын умер [Там же. Л. 169]. Геодезист Воинов находился в Иркутске, но Карпов не смог взять у него результатов обследования р. Хилок, так как Воинов ответил Карпову:

«У себя ныне ни белых, ни черных ведомостей и карт не имеет».

Геодезист Воинов в конце мая 1760 г. послал Ф. Соймонову рапорт, в котором отчитался о проведенном измерении земель в Селенгинске и других изысканиях [Там же. Л. 169 об. — 171 об.]. По инструкции Иркутской канцелярии Воинов изучил в Селенгинске ведомости о землях, в которых было указано количество крестьян мужского пола, оброчных, посадских и других чинов, имеющих пашни в острогах, слободах, деревнях. Указано было число заимок и дворов. На основе анализа Воинов сделал вывод о количестве землепашцев разночинцев, объеме пахотных земель и сенных покосов. При измерении земли геодезист строго соблюдал инструкцию, чтобы

«ясашным иноверцам в том земляном владении никакого утеснения и спору не было <...> Во всем Селенгинском уезде и в Итанцинском остроге ясащных и иноверцев никаких земель до указу не мерять, которые немерянными там много и остались».

После этого Воинов должен был сделать порайонные описи, планы, а прибыв в Иркутск, начертить карту «с уменьшением маш-

табу». Планы Нерчинского уезда и Итанцинского ведомства Воинов у себя не оставлял, а отправлял в Иркутск. Кроме того, Воинову было указано освидетельствовать заводы и промыслы, мельницы, а насчет исследования р. Ингоды Воинов указаний не получил.

Ф. Соймонов указал И. Вульф, чтобы тот занимался заготовкой леса для строительства судов, так как для перевозки «посельщиков» по Хилку нужно было построить 30 платшойтов и 20 ушкотов или больших лодок. На все это требовалось не более 2100 руб. Экономия водного пути видилась Соймонову еще и с той стороны, что на судах переселенцы могли питаться своим провиантом.

Таким образом, к весне 1761 г. Ф. Соймонов планировал перевезти по Хилку треть переселенцев с их сельскохозяйственным инвентарем. Однако Вульф по-прежнему не исполнял многих распоряжений Соймонова. Например, по упущению Вульфа зимой не была начата заготовка леса для постройки указанных судов и *«тем в постройке судов и перевозке посельщиков и провианта остановку учинил»* [Там же. Л. 151–159].

Указ Сената от 23 мая № 4367 *«О заготовлении лесу и постройке судов и перевозке провианта и посельщиков на Нерчинские заводы водяным, а не сухим путем»* Ф. Соймонов получил в Тобольске 28 июня 1760 г.

Вульф отчитывался в июле 1760 г. об исполнении указаний Ф. Соймонова об осмотре р. Хилок [Там же. Л. 172–172 об.]. Вице-губернатор писал о том, что до своей смерти геодезист М. Овцын занимался измерением пахотных земель, сенных покосов и прочих оброчных пашен. Все результаты его исследований, геодезические инструменты запечатаны и находятся под охраной. Геодезист Воинов 31 мая отправлен для обследования р. Хилок от устья до р. Гариха.

Ф. Соймонов получил в июне и августе 1760 г. рапорты геодезиста В. Воинова, сержанта К. Карпова с краткими отчетами о том, как Воинов, Карпов и два ученика следовали по р. Хилок, Ингода до Читинского острога [Там же. Л. 175–176]. Воинов, согласно полученной от Ф. Соймонова инструкции № 25 от 20 апреля 1760 г., составил опись земель на левом берегу Хилка, пригодных к земледелию, собрал сведения о живущих в деревнях людях, изучил гидрографический характер реки (мели, глубину воды, расстояние до берегов и т.п.) и отослал его с Карповым Ф. Соймонову.

В ответ на эти рапорты Воинова и Карпова Ф. Соймонов выслал в августе 1760 г. Воинову ордер, в котором похвалил геодезиста

за проделанную работу по исследованию р. Хилок и Ингода, составление описи рекам и землям, журналов и карт, которые присланы с сержантом Карповым [Там же. Л. 178–178 об.]. Особенно доволен Соймонов остался тем, что Воинов нашел другую (в отличие от штурмана Татаринова), удобную для проезда от Ингоды на Хилок дорогу. Остались неисследованными расстояние от Улатаевского до оз. Иргеня и качество берегов. Поэтому В. Якоби должен послать Воинова для этого осмотра и описания. В этот же день от Ф. Соймонова последовало указание Иркутской канцелярии, которая должна была за счет Нерчинской экспедиции выдать подорожную и деньги на две почтовые лошади на проезд Воинова от Иркутска до Селенгинска.

Находившийся в Нерчинске при секретной экспедиции капитан П. Бегунов в июльском 1760 г. рапорте на имя Ф. Соймонова отчитался о том, что, выполняя указания губернатора и бригадира В. Якоби, он послал «в крайней скорости» на р. Хилок для строения судов, на которых будут перевозиться переселенцы на Нерчинские серебряные заводы, геодезии прапорщика Я. Федорова и ластовых судов подмастерье А. Попова с работными людьми [Там же. Л. 185–187 об.]. Для перевоза этих поселенцев необходимо было построить 30 платшойтов и 20 ушколов. Вместе с А. Поповым должны были поехать плотники Ф. Соколов, М. Федоров, И. Домодеев, С. Леонтьев, конопатчик А. Булатов со своими инструментами. Бегунов спрашивал Ф. Соймонова о том, на чей счет вести расходы по перевозке этих поселщиков: Нерчинского завода или Горного начальства.

В. Якоби в июльском рапорте 1760 г. в очередной раз сообщил Ф. Соймонову о бездействии Иркутской канцелярии и иркутского вице-губернатора И. Вульфа, отказывавшегося заготавливать лес для строения судов, на которых планируется перевозка переселенцев по р. Хилок [Там же. Л. 176–177 об.]. Поэтому, скорее всего, заготовкой леса должен заниматься именно В. Якоби силами солдат, крестьян или разночинцев за плакатную плату. Кроме того, В. Якоби нужно было изготовить в Иркутске 23 тыс. гвоздей разных сортов (это задание также должен был выполнять И. Вульф [Там же. Л. 182–183 об.]), 200 пудов железа на металлические части для судов, 2500 аршин холста на паруса, по две бечевы на каждое судно, 200 пудов пеньки на «конопать» и все это прислать по зимнему пути на устье р. Хилок. Однако В. Якоби писал, что ничего этого

из Иркутска не прислано. Полосового железа имелось всего четыре пуда. Не было таких припасов и инструментов и в Якутском полку. Геодезист Федоров должен был измерять фарватер р. Хилок, но до тех пор он вместе с плотниками не приехал. В. Якоби спросил Ф. Соймонова о размерах судов.

Ф. Соймонов в письме от 31 августа 1760 г. послал В. Якоби подробную инструкцию о размерах судов, их грузоподъемности, а также интересовался мнением Якоби по поводу включения жителей р. Хилок в ведомство Нерчинской секретной экспедиции [Там же. Л. 180–180 об.]. В начале строительства судов на р. Хилок Соймонов требовал, чтобы они могли вмещать 1000 пудов груза. Однако в результате пробных рейсов (возникли проблемы на мелях и перекатах) Соймонов пришел к выводу, что на платшойт нужно грузить не более 700 пудов, а на ушкол или большую лодку от 400 до 500 пудов.

Далее Соймонов задал В. Якоби важный вопрос:

«За надлежащее ль Вы принять изволите, чтоб всем тем, которые донныне по Хилку живут, быть в ведомстве секретной экспедиции для способу в перевозке провианта, так и для всяких тягостей в Нерчинск для пограничной линии и для Аргунского заводу?»

Его интересовало, какие, по мнению В. Якоби, чины нужно переселить на Хилок? Тем более что переселяющиеся будут освобождены от казенной пашни и работ. В описи геодезиста Воинова для Ф. Соймонова осталось неясным, откуда и по чьему распоряжению или самовольно по р. Хилок и Ингода живут крестьяне, служилые казаки, монастырские крестьяне. Необходимо было отправить Воинова и на осмотр р. Улята.

Ф. Соймонов 20 апреля 1760 г. послал в Нерчинск геодезисту Я. Федорову ордер и инструкцию № 25 от 11 января 1760 г. об отправлении на р. Хилок для строения судов. Федоров получил ордер 27 июня, а инструкцию 5 июля. Прибыв на р. Хилок 28 июля 1760 г., Федоров послал Ф. Соймонову рапорт, в котором известил, что отправился из Нерчинска 11 июля вместе с подмастерьем ластовых судов А. Поповым, с четырьмя плотниками, одним конопатчиком и с двумя учениками [Там же. Л. 189 — 189 об.]. Сразу же по прибытии он обратился к В. Якоби с просьбой о выделении людей для заготовки леса. В. Якоби затребовал для этой цели от Кяхтинской

таможни тридцать человек цеховых, умеющих работать топором, от Селенгинской казачьей команды — десять казаков, от Селенгинской воеводской канцелярии — десять разночинцев с лошадьми для перевозки сена и трех кузнецов с инструментами.

В августе 1760 г. Я. Федоров послал еще один рапорт, в котором подробно рассказал Ф. Соймонову о прохождении по Хилку весной и летом 1759 г. [Там же. Л. 190—197 об]. Этот вопрос вновь возник из-за того, что иркутский вице-губернатор Вульф, прочитав рапорт Федорова о мелях на р. Хилок, стал убежденным противником водного маршрута для перевозки людей и грузов. При всяком удобном случае Вульф ссылался на этот журнал Федорова.

Ф. Соймонов выразил сожаление о том, что Федоров включил в отчет описание таких не стоящих внимания инцидентов, как лопнувшая бечева, мели, болезнь солдат. Ф. Соймонов был убежден, что мели вовсе не являются трудными препятствиями, так как преодолеть их можно, сгрузив часть груза с засевшего судна на другое. Для этого даже не нужно использовать лошадей, а можно обойтись бечевами и рычагами. Однако Федоров приводил мнение офицеров роты, которые подтвердили, что перегрузка занимает слишком много времени. Поэтому из-за мелей караван простоял 26 дней.

Следующий пункт, по которому Соймонов потребовал разъяснения у Федорова, связан с проблемами питания солдат. Соймонов был недоволен тем, что караван останавливался для печения хлеба: по его мнению, это можно было сделать заранее, еще на устье Хилка.

В оправдание Федоров приводил следующие аргументы. Рота получила провиант на май и июнь. На один месяц хлеб напекли и в сухари высушили, а за другой месяц рота взяла хлеб мукой, о чем Федоров уже рапортовал Соймонову 22 сентября 1759 г. Когда же рота погрузилась на суда 11 мая, то, согласно указанию из ордера В. Якоби, они как можно быстрее пошли вверх по Хилку, чтобы быстрее пройти мелкие места, пока река была достаточной глубины после ледохода. К 26 мая солдаты все сухари съели, а по представлению поручика Захарова и прапорщика Маряшева до ближайшей деревни Мангитуйской расстояние было еще большое — 50 верст. Поэтому 26 мая дневали и пекли хлеб. В Мангитуйскую пришли лишь 1 июня. Если бы солдатам дали сухарей на 3—4 месяца, то тогда остановки в пути не было бы.

Еще одно разъяснение потребовалось дать Федорову из-за случая простоя в результате лечения ног солдата, опухших от холодной

воды. Соймонов сетовал: несмотря на то что ноги опухли у многих солдат, этот случай не нужно было заносить в журнал, так как мазью и подручными средствами за один день опухоль снять невозможно. Однако решение об остановке принимал не только Федоров, но и обер-офицеры роты.

В конце рапорта Федоров уверял Соймонова в том, что при поднятии судов в верховья Хилка он старался на совесть. Поэтому он не понимает, почему И. Вульф сделал вывод о том, что Хилок не судоходен. Сам Федоров в своих рапортах никогда не писал об этом, а лишь честно указал все мели, отметив, что через них трудно двигаться:

«Водяной путь по Хилку хоть и труден, но проходимый, а то что Хилок не проходимый, я Вульфу не писал, лишь слал вам рапорты, а с них Вульфу слал копии».

В ответ Ф. Соймонов несколько смягчил свой гнев и написал, что он не очень сильно ругает Федорова, хотя некоторые вышеописанные оправдания Федорова Соймонов не признает, но, в целом, хвалит Федорова за радение и надеется, что и в 1761 г. Федоров удачно проведет суда по Хилку.

Весной 1760 г. Ф. Соймонов послал рапорт в учрежденную в Санкт-Петербурге «о Нерчинских и прочих серебряных заводах экспедицию», в котором подчеркивал, что развитие сереброплавильных заводов не сможет осуществляться без снабжения рабочих достаточным количеством хлеба [Там же. Л. 147–150]. По указу Сената нужно было перевезти 3125 чел. Наилучший способ их доставки Соймонов видел по р. Хилок на судах. Этот путь уже был опробован в 1759 г.

Геодезист Воинов, находившийся в соответствии с инструкцией Ф. Соймонова вместе с двумя учениками Иркутской школы на р. Хилок и Ингода для исправления некоторых пунктов прежней описи, прислал в августе 1760 г. рапорт Соймонову [Там же. Л. 206 об. — 207]. Он отметил, что из черновиков сделал «со уменьшением масштаба половины в два ряда белые карты». Одну из них послал Соймонову, другую — В. Якоби.

После этого Воинов направился на двух выделенных почтовых лошадях в Селенгинск к В. Якоби. 21 октября Якоби отправил Воинова для измерения расстояния от устья р. Улята до вершины Хилка при оз. Ирген, с двумя казаками, прогонными деньгами на трех почтовых подводах в соответствии с ордерами Ф. Соймонова. Воинов

приложил план р. Хилок по течению с левой стороны до оз. Иргень, показал степные и болотистые места. Но о глубине Хилка и о его судоходности узнать было невозможно, так как река была покрыта льдом и снегом. Сообщил также о том, что живущие в разных деревнях по реке Ингоде люди определены в казенную десятинную пашню. Поселились они здесь самовольно. «Скасок» с этих жителей Ингоды Воинов не брал. А по Хилку в разных деревнях с жителей и с монастырских крестьян геодезист собрал сведения, кроме «с хоринцов брацких и с иноверцов, понеже при стойбищах в тогдашнее время старшин и других ясашных не было» [Там же. Л. 208–209 об.]

В. Якоби послал Ф. Соймонову в августе 1760 г. свои соображения по поводу строительства (по проекту Соймонова) запруды на двух протоках Хилка, чтобы поднять уровень воды в главном русле [Там же. Л. 198–201 об.]. Якоби выразил уверенность в том, что идея Соймонова запрудить две протоки выше деревни Харитоновой по Хилку, чтобы поднять уровень воды в реке в этом месте, не осуществима, так как нужно будет запрудить еще несколько проток, берега же у них низкие, а земля некрепкая. Строить эту плотину будет трудно и долго.

По его мнению, лучше всего надлежало поступить так: не строить 30 платшойтов с большой осадкой, а сделать 50 судов, ушкотов или больших лодок, чтобы они вмещали не более 30 пудов груза и до 10 пудов провианта и скарба для работных людей. Работников же на каждое такое судно ставить по семь человек. Такие суда будут выгоднее, чем большие платшойты, так как требуют для обслуживания меньшего числа людей. Они легко пройдут почти все мели, а если и сядут на мель, то разгрузить их будет гораздо легче. Для этого для каждых трех судов нужно иметь одну небольшую лодку.

Якоби выдвинул еще один аргумент: так как эти суда более легкие, то за лето они смогут дважды сходить с грузом вверх и вниз по Хилку. В целом за один рейс на них можно будет перевезти 15 тыс. пудов. А на 30 платшойтах можно за лето сделать только один рейс и привезти гораздо меньше припасов. Например, в 1759 г. на платшойте привезли всего 600 пудов, тянули его бечевой 30 человек, и для них нужно много провианта, так как меньшее число людей не сдвинут такое судно с места. Если Соймонов не согласен заменить платшойты на ушкоты или лодки, то лес на платшойт будет заготовлен к весне. О желающих поселиться по р. Хилок В. Якоби пока ничего не известно.

В ответ на эти предложения Якоби Ф. Соймонов в октябре 1760 г. написал письмо, в котором идеи о постройке мелководных судов для провоза грузов по Хилку «приняты за надлежащее и полезное» [Там же. Л. 204–205 об.]. Кроме того, Соймонов доволен, что В. Якоби сам осматривал р. Хилок, заботился о добыче леса для строительства судов. Соймонов уточнил, что мелких судов нужно построить не двадцать, как он раньше указывал, а сорок. На каждое судно определить не семь человек, а пять. Но Соймонов все-таки настаивал на строительстве пяти или шести платшойтов.

Далее Ф. Соймонов просил В. Якоби разобраться относительно пеньки (50 пудов), которую Соймонов требовал от Сибирской губернской канцелярии, Енисейской провинциальной и Красноярской воеводской канцелярий, но ее все не присылали.

Геодезист Василий Воинов, вместе с сержантом К. Карповым и двумя учениками Иркутской навигацкой школы, осенью 1760 г. исследовал р. Хилок в демографическом и колонизационном отношениях [Там же. Л. 220–239]. Роль Карпова заключалась в контроле похода, недопущении ненужных остановок и в том, чтобы все происходящее записывалось в журнал.

Как указывалось выше, собранные Воиновым данные были необходимы Ф. Соймонову, который планировал использовать реки Хилок, Ингода в качестве транспортных артерий для доставки крестьян, ремесленников, рабочих, солдат, различных грузов от Байкала дальше в Сибирь, на Нерчинские заводы, к Кяхтинской таможне и т.п.

Ф. Соймонов в письме к В. Якоби в октябре 1760 г. еще раз напомнил, чтобы тот для перевозки рабочих и поселщиков из Селенгинска на Нерчинские заводы использовал водный маршрут по Хилку на построенных специально для этого судах [РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 95. Л. 48–49].

В конце 1760 г. В. Якоби известил Ф. Соймонова о ходе выполнения распоряжения сибирского губернатора о строительстве 50 судов при устье р. Хилок [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 206–208]. В. Якоби с помощью истребованных от Кяхтинской таможни 30 плотников заготовил тысячу корок. По мнению подмастерья А. Попова, этих материалов достаточно на постройку 25 судов. Как только крестьяне убрали хлеб, то из них и из разночинцев было взято нужное число работников для строения судов. В октябре плотники начали готовить доски. Казаки приготовили угли, и собрались

готовить смолу. В ноябре рабочих, заготовливавших лес, пришлось отпустить из-за сильных морозов, но скоро должна была начаться вывозка леса. Кузнецы сделали гвозди для судов. Таким образом, В. Якоби планировал приступить к строению судов в феврале 1761 г., когда будет собрано нужное число работников из крестьян, разночинцев и кяхтинских цеховых.

Подтверждение из Иркутской канцелярии о готовности приступить к строению при устье р. Хилок 70 судов для перевозки грузов и переселенцев на Нерчинские заводы Ф. Соймонов получил в январе 1761 г. Для строения судов канцелярия должна выделить 30 чел., 100 пудов пеньки на снасти, бочки для поклажи. Тогда же, в январе 1761 г., В. Якоби спрашивал совета Ф. Соймонова относительно того, можно ли отправить свинец на Хилок из Нерчинского горного начальства [Там же. Л. 210–212].

В 1761 г. последовал указ Е.И.В. об определении главным командиром на Нерчинские заводы бригадира В.И. Суворова¹ «для лутчего и порядочного тех заводов в вещь размножение приведение» и с ним полковника М.Ф. Соймонова [Гольденберг 1973: 17–21; РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 95. Л. 1–5 об.]. Кроме заводов, Суворову поручались пять полков казаков, присланных в Нерчинский округ для поселения. Бригадир Суворов должен был для исполнения своей миссии постоянно контактировать с Сибирским губернатором и иркутским вице-губернатором, стараться увеличивать добычу серебра, золота и свинца. Двенадцатилетнее руководство В.И. Суворовым Нерчинскими заводами действительно принесло немало экономических выгод.

Полковник М. Соймонов направлялся в Сибирскую губернскую канцелярию «при отце его». Главной задачей М. Соймонова было поселение людей у Нерчинских заводов и по дороге от Нерчинска к Иркутску по Братской степи:

«При всем том наблюдать, дабы те места к хлебопашеству и размножению скота были способны, и чтобы те поселяемые будучи там не могли никакой нужды иметь и для того уже кроме того одного поселения ни во что ему, Соймонову, по тем Нерчинским заводам не вступаться».

¹ Суворов В.И. — отец будущего генералиссимуса и великого русского полководца Александра Васильевича Суворова (1730–1800).

По поводу улучшения работы Нерчинских серебряных заводов, поиску рабочих и крестьян в 1761—1762 гг. велась активная переписка между Сенатом, Берг-коллегией, Сибирским приказом, Ф. Соймоновым как сибирским губернатором и руководителем Тобольской секретной и о заграничных обращениях комиссии, рядом сибирских канцелярий [РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 95. Л. 6—8 об.].

Активно использовался труд осужденных за различные преступления и сосланных в Сибирь *«колодников, как мужеска, так и женских полу, из всех присутственных мест не посылая оных более в Рогорвик»*. Часто для них не хватало продовольствия, ибо эти районы Забайкалья еще были плохо заселены. Поэтому каторжан отправили временно (на один — два года) на Барнаульские заводы, с тем чтобы за этот период развить в достаточном объеме хлебопашество в Нерчинском округе. Дальновидный Ф. Соймонов спрашивал у Сената разрешения об отправке части этих ссыльных на Иртышскую линию для ремонта и реконструкции крепостных строений. Ген. майор И.И. Веймарн¹ подтверждал крайнюю нужду в рабочих для ремонта давно пришедших *«в совершенную обветшанность»* деревянных крепостей и редутов этой линии. За работу Ф. Соймонов предлагал выдавать им провиант, одежду и обувь. Когда же на Нерчинских серебряных заводах будет заготовлено достаточное количество хлеба, то этих колодников *«оттуда прямейшим трактом отправить можно»* обратно на заводы.

Между Ф. Соймоновым и В. Якоби в январе 1761 г. продолжалась активная переписка в отношении тяглогового скота для перевозки грузов на Нерчинские заводы, на Хилок [Там же. Л. 249, 261, 266 об. — 267]. Якоби сообщил Соймонову об имеющихся в наличии ста верблюдов атанов², ста пятидесяти двух скорбных, т.е. худых и больных коростой, и тридцати семи *«недорослых верблюденков»*. В соответствии с указаниями губернатора Якоби отправил сто караванных верблюдов для перевозки 500 пудов свинца с Нерчинского завода до р. Хилок, Гариха и Улятуй. В скором времени он обещал прислать еще пятьдесят верблюдов для перевозки будущих поселенцев с Хилка на Ингоду.

¹ Веймарн И.И. (1722—1792) — военачальник и дипломат, занимавший важные государственные посты, в том числе и командующего войсками в Сибири.

² Атан — холощенный верблюд.

В апреле 1761 г. В. Якоби подтвердил Ф. Соймонову свою готовность построить на р. Хилок 70 судов (ушколов или больших лодок), чтобы на них свободно провозить в верховья Хилка по 300 пудов на каждом судне, провиант со скарбом работных людей весом 60 пудов. В июле и августе этого же года Якоби представил донесение в Тобольскую секретную и о заграничных обращениях комиссию о том, что для перевозки казенного провианта на Хилок к месту строящихся судов, а оттуда к Нерчинским заводам сшито 3567 мешков [Там же. Л. 272–272 об., 274–275 об.]. Деньги потрачены из ясачного сбора за счет Нерчинских заводов. Этим делом поручено заниматься Якутского полка прапорщику Александру Сергееву.

К маю 1761 г. удалось построить шестнадцать судов, из них пятнадцать — по стандартным размерам и одно — по проекту Ф. Соймонова. Последнее судно и одно из пятнадцати Якоби приказал законопатить, спустить на воду для пробы и нагрузить мешками с песком. Стандартное судно нагрузили 84 мешками с песком общим весом 370 пудов, на судно по модели Соймонова нагрузили 345 пудов. Оба судна получили осадку *«глубиною фор и ахтерштевни один три чети фута, то есть три чети аршина»*. Затем экипаж *«на бечевы по пяти человек, да кормщик, да палубщик по два человека»* смог передвигать стандартное судно без труда. Судно по проекту Соймонова смогли сдвинуть с места только с помощью еще четырех человек. Таким образом, соймоновский проект оказался неудачным.

Тогда Якоби догрузил на первое судно еще 30 пудов, доведя общий вес до 400 пудов. Но оно по-прежнему двигалось без особого труда. Поэтому Якоби приказал заложить еще девять судов первого типа, которые планировал закончить (вместе с девятью большими лодками) к сентябрю. Быстрее строить не было возможности, так как не хватало работников, потому что они постоянно бежали с верфи. Из 80 чел. к середине июня осталось всего 24. Селенгинская же воеводская канцелярия и Селенгинская ратуша не только не присылали новых работников, но даже и вместо беглых с Хилка не присылали новых. Кяхтинская таможня также не дала обещанных ей 20 чел. Иркутская канцелярия прислала пеньку для изготовления снастей только на строящиеся четыре полковых дощаника. Суда же, предназначенные для перевозки людей и грузов на Нерчинские заводы, оставались без снастей. Иркутская канцелярия обещала прислать бечевы для судов только по зимнему пути.

Пытаясь оправдаться, И. Вульф, как всегда, очень пространно и путано, с многочисленными повторами, рапортовал в переписке с Ф. Соймоновым в конце августа — октябре 1761 г. о причинах не поставки канцелярией 500 пудов пеньки [Там же. Л. 276–282]. Вульф подчеркнул, что он еще в марте 1761 г. получил распоряжение губернатора о скорейшем отправлении 500 пудов пеньки для судов в Охотске и для судов, строящихся на р. Хилок. Пенька из Енисейского и Красноярского воеводств в Иркутск поступила, но не 500 пудов, а только 292 пуда.

Ф. Соймонов в Нерчинске сеял коноплю для производства пеньки, и, по его мнению, в Иркутске земли тоже должны быть подходящими для выращивания пеньки, но для этого Вульф должен был постараться, что для казны было бы большой пользой. Однако Вульф отписывался, что заниматься земледелием в Иркутске невозможно из-за сурового климата. В ответ на это Соймонов приводил пример того, что даже якутские старосты выращивают коноплю в огородах. Поэтому Соймонов приказал Вульфу искать знающих земледелие крестьян и сеять коноплю. Кроме того, в Иркутском ведомстве, по силе указа Сената от 18 декабря 1760 г., нужно обязать всех оброчных хлебных плательщиков сдавать в казну вместо одного пуда муки десять фунтов чищенной пеньки, годной для производства судовых и прочих снастей.

В декабре 1761 г. В. Якоби известил Ф. Соймонова о том, что в июле на р. Хилок построено 25 судов, «*кроме бечев и снастей за названием пеньки*», полностью к походу они должны быть готовы летом 1762 г. [Там же. Л. 284–285 об.]. Далее В. Якоби просил Соймонова, чтобы тот обязал Иркутскую канцелярию срочно прислать пеньку для изготовления снастей.

Ф. Соймонов как руководитель учрежденной по указу Сената секретной и о заграничных обращениях комиссии, ведения тайного советника и сибирского губернатора приказал в декабре 1761 г. И. Вульфу отправить требуемую пеньку на Хилок [Там же. Л. 284 об. — 285 об., 300–301 об.]. Для этого Вульф должен был воспользоваться оказией: от здешней секретной комиссии отправлялся в Иркутск для изготовления прядева на суда в Охотск прядильщик Петр Тимофеев. С ним и предписывалось отправить в Иркутск из Тобольска прядева 10 пудов в четырех тюках, чтобы до весны 1762 г. эти тюки были доставлены в Селенгинск. О выполнении необходимо было доложить в секретную комиссию.

И. Вульф рапортовал в январе 1762 г. Ф. Соймонову в секретную и о заграничных обращениях комиссию о том, что канцелярия готова выполнить все указания насчет пеньки [Там же. Л. 289–291 об.]. Кроме того, Вульф обязался отправить обратно в Нерчинск к капитану П. Бегунову *«взятого из Нерчинской секретной экспедиции прядильщика Фаркина»*.

Данный документ не только информирует о ходе строительства судов на р. Хилок для перевозки людей на Нерчинские заводы, но и показывает, что в начале 1760-х годов в Забайкалье параллельно активно работали две секретные комиссии: Нерчинская секретная экспедиция под руководством капитана П. Бегунова и Тобольская секретная комиссия, возглавлявшаяся Ф. Соймоновым. По мнению Л.А. Гольденберга, первая была очень важным звеном второй [Гольденберг 1979: 129–130].

Между тем Ф. Соймонов по-прежнему тратил много усилий, времени и бумаги с чернилами на переписку в апреле–октябре 1762 г. с И. Вульфом, который в очередной раз не соглашался с уже очевидным фактом судоходности р. Хилок [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 302–328 об.]. Чтобы переубедить И. Вульфа, Ф. Соймонов написал рапорты в Сенат и Сибирский приказ. У последнего он просил помощи и управы на иркутского вице-губернатора, который не просто ничего не делал по развитию судоходства в крае, но и своим бездействием значительно вредил и мешал развитию края в экономическом и научном отношении.

Ф. Соймонов предложил Иркутской канцелярии такой вариант разрешения этих противоречий. Если у канцелярии есть достоверные факты того, что водный путь по Хилку приносит вред государству, то она должна сообщить их немедленно в Тобольскую секретную комиссию.

Ф. Соймонов послал в Сибирский приказ доношение о снятых, необходимых для судов на р. Хилок, подробный отчет:

«Водяному ходу сделана уже двойная апробация, геодезист Федоров три судна от устья Хилка до реки Гарихи провел на расстоянии 450 верст и о том журнал Соймонову представил, а Соймонов об этом рапортовал в Сенат и дал указание Вульфу строить суда на реке Хилок. Но Вульф до сих пор сомневается, что по Хилку хороший водяной ход, <...> Не соизволит ли Сибирский приказ указать Иркутской канцелярии немедленно при-

слать Соймонову обстоятельное известие со мнением о водяном ходе по Хилку».

К этой жалобе Соймонов приложил экстракт из журнала геодезиста Федорова о сплаве по р. Хилок. Предложения о срочной доставки пеньки для снастей Ф. Соймонов отправил в Тарскую, Томскую и Красноярскую воеводские канцелярии. Вульф оповестил Ф. Соймонова и его секретную и о заграничных обращениях комиссию о том, что из Иркутска в Селенгинск отправлен прядильщик Фаркин с пенькой, прядильщик Тимофеев в Иркутске по присланным от В. Якоби образцам делает из пеньки снасти для построенных на Хилке судов.

В августе 1762 г. Ф. Соймонов отправил представление в Берг-коллегию о возможности постройки на р. Кутомар завода по переплавке блейгланцевых¹ серебряносодержащих руд, о чем его как сибирского губернатора и руководителя Тобольской секретной и о заграничных обращениях комиссии известила канцелярия Нерчинского горного начальства [РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 95. Л. 11–15]. В извещении имелась карта местности и чертеж, *«где какому строению быть к рассмотрению»*. Кроме того, Ф. Соймонов предложил рассмотреть и другие места, богатые серебряносодержащими рудами на р. Средняя и Верхняя Борзя, впадающих в Аргунь. В тех местах нет русских поселений и пропитание рабочих будет крайне затруднительно, но *«ведения моего комиссия может вышеписанное опробовать»*. Однако для этого должно быть *«высочайше повелено»* для заводских и горных работ заселить весь Нерчинский уезд крестьянами и разночинцами, казаками и посадскими, имеющими хлебопашество, и приписать их к заводам [ПСЗРИ. Т. 16. 1830: 436].

Таким образом, Нерчинская секретная экспедиция в течение нескольких лет успешно занималась выполнением отдельных задач своего плана: проводила геодезические исследования, на устье р. Хилок осуществила строительство нескольких десятков речных судов, которые использовались для перевозки различных грузов и людей на границу с Китаем, Нерчинские заводы. Большую роль экспедиция сыграла в деле развития горной промышленности, земледелия, выращивания зерновых и технических культур.

¹ Бленгалыц — порода камня, содержащего свинец и серебро.

Однако все эти действия экспедиции приходилось совершать в регионе, заселенном многими коренными народами, у которых традиционно отсутствовало представление о государственной границе, приоритетах дипломатических интересов и т.п. В Забайкалье в то время происходили сложные геополитические процессы, столкновения интересов России и Китая. Все это требовало особого подхода к решению межкультурных и межэтнических вопросов.